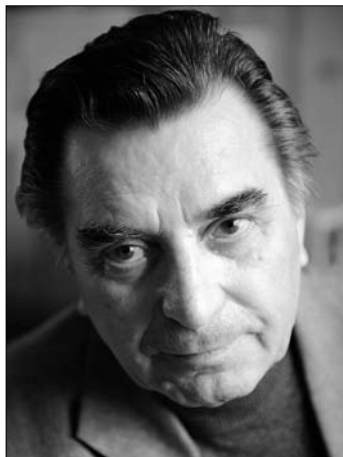

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕПОТКИН

СЛУГА ЗАКОНА ВДОВИН

ПОВЕСТЬ

Виктор Вдовин — слесарь экстра-класса — пришёл в депо в свой отгульный день. Была среда, на путях, густо разветвившихся перед большим почернелым зданием, стояли и двигались электровозы. Ломкий весенний воздух оскольчато дробили гудки, переделки людей. Солнце сверкало в извивах накатанных рельсов, в стёклах машин, то и дело выезжающих из тёмного зева депо и готовых к дальней дороге. Какой-то машинист, проезжая мимо, узнал Вдовина.

— Ловишь, нет? — свесился он из окна.

— Скоро буду ловить! — скрипуче крикнул тот, задрал голову. — Только не рыбу.

Машинист ничего не понял, фыркнул и, уезжая, долго смотрел на Вдовина странным взглядом. От стоящего электровоза поздоровался рыжий патлатый ученик слесаря. Вдовин поскрипел возле него, подсказал, как лучше закрепить хомут на трубопроводе. В это время из-за соседней машины появился мастер механического цеха Антипов.

— А-а, Витёля! — увидел он своего слесаря. — Чего не отдыхается? Гудит-зовёт родной завод?

— У меня к тебе дело, Сергей Иванович. Серьёзный разговор.

Мастер нахмурился. Он подумал, что Вдовин пришёл отпроситься ещё на один день: заработанных отгулов у слесаря было много.

— Сейчас приду. Жди возле моей “бендежки”.

Вскоре он подошёл, пропустил Вдовина в стеклянную огородку, которую все называли “антиповой бендежкой”.

ЩЕПОТКИН Вячеслав Иванович родился в 1938 году. Окончил Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Журналист, публицист, прозаик. Живёт и работает в Москве.

— Ну, какой такой разговор? — начал он расстёгивать телогрейку. — С Люськой что ль будете расходиться? Иль сходитесь — я что-т всё перепутал.

— Увольняюсь я у тебя.

Мастер так и сел, где стоял.

— Ты што, Витёля? А куда пойдёшь?

— В рыбинспекторы.

На прозабоченном лице Антипова появилась облегчённая улыбка. В городе, кроме депо, было ещё два завода. Соберись Вдовин туда — привет классному слесарю. А тут, значит, новая блажь. Мастер дрогнувшей рукой вытащил сигаретку, протянул пачку Вдовину, но спохватился, что тот не курит, и с надеждой заговорил:

— Зря это, Витёля. Хорошую специальность хочешь на какое-то... на собаچه занятия сменить. Нет, нет: оно тоже необходимо — такое дело. Но ты ж рабочий человек! Золотые, как это говорят, руки. Жисть, конечно, сейчас враскос идёт. Зато у нас здесь тепло, светло и мухи не кусают. Рыбки вон в аквариуме плавают. А в инспекторах в этих? Подстрелят тебя где-нибудь браконьеры, — мастер засмеялся, — и никто, как это говорят, не узнает, где могилка твоя.

Вдовин невятно скрипнул. Антипов подался ухом к нему.

— А? Ты чево-то сказал?

— Силы зря не трать. Этот разговор, Сергей Иванович, извини за выраженье, в пользу бедных.

Мастер поглядел на Вдовина и понял, что Витёлю “забрало”.

У него это случалось. Если другого человека увлечение слегка покачивало на своих волнах, не повёртывая течения жизни, то Вдовина будто водоворотом затягивало. Сначала на его пухлом, круглом лице замечали странную усмешку. Полные губы как-то сразу тоньшали, утягивались вбок, ноздри надувало и в синих Витёлиных глазах начинали посверкивать первые сполохи страсти. При этом он всё чаще лохматил и дёргал свой белобрый чубчик, словно тот ему чем-то мешал.

Потом Витёля на некоторое время становился непроницаем, и это напоминало сдавленное затишье перед грозвым неистовством. Он набирал книг, разыскивал знатоков, сидел у них до ночи, пока жёны, зевая, не заговаривали о каких-то собаках, которые кого-то ищут, сбились с ног, а где найти — не знают. Наконец, наступал момент, когда Вдовин уже не мог удержать распирившую его любовь. Он обрушивал её на каждого встречного-поперечного, особенно приставал к машинистам, и те, опасаясь обидеть слесаря-аса, с деревянными лицами слушали скрипучий захлёб, смотрели сверху вниз на мелкокорслую фигурку, удивляясь, откуда у северного человека, и не мальчишки уже, столько страсти.

Но страсть проходила, оставляя памятки в окружении Вдовина, а то и на нём самом. Рыбки, которыми мастер заманивал слесаря, появились в цехе после очередного вдовинского увлечения. В самый разгар его влюблённости в гуппи и меченосцев в депо взяли за перестройку условий труда. Покрасили бледно-зелёной краской станки, Вдовин принёс аквариум. На этом реорганизация закончилась — деповское начальство переключилось на другие дела. Однако и Витёлина страсть вскоре стала гаснуть. Дома у него все десять аквариумов затянуло водорослями, рыбки передохли, и Вдовин задарма раздал дорогие стеклянные ящики, которые когда-то делал на заказ.

Но не всегда Витёля отделялся так просто. На мотоцикле “Ява” он дважды отправлялся в мир иной, и только усердие хирурга Шабельского возвращало его с полдороги. Скреплённый проволоками и бинтами, Вдовин выходил из больницы и опять садился на “Яву”.

Теперь мотоцикл стоял в углу большой тёмной кухни бревчатого дома без переднего колеса, с разобранным мотором, в корытце с соляжкой мокли болты, а Витёля снова косил усмешливо губы.

— Ну, и чёрт с тобой! — сердито сказал мастер, заметив вдовинскую удалённость от шума станков и металлического вызвона, доносившихся

в огородку. — Пройдёт блажь — приходи. Возьму, так и быть, хотя кидать ты меня, как это говорят, в трудную минуту.

Витёля снисходительно улыбнулся, сунул Антипову твёрдую ладонь и пошёл в отдел кадров за расчётом.

* * *

Был апрель, середина месяца. Но если кто думает, что на юге Кольского полуострова это весна, похожая на среднерусскую, тот ошибается. В городе, правда, тает. По обочинам уклонистых тротуаров и дорог днём пожуркивает снежная вода, и расчищенный асфальт, где редко ездят машины, высыхает, сереет. Потемневшие сугробы у домов оседают, уплотняют, однако они ещё высоки и кажутся навечными. А в лесу сквозь снег лыжной палкой землю не достать, на озёрах — метровая броня льда, белые просторы моря пустыни, и, глядя на них, понимаешь, почему это море назвали Белым.

В такую пору у Витёли каждый год хлопотня. Он несёт в охапке из чулана коробки, которые забытыми лежали там с перволёдя, высыпает на стол путаный навал лесок, блёсен, мормышек и, с трудом сдерживая волнительный зуд, аккуратно раскладывает всё это по своим местам. Рыбалка — непреходящая вдовинская любовь. Три месяца назад она привела его в клуб железнодорожников на лекцию: “Охрана рыбных запасов — всенародное дело”.

Бровастый чёрный мужчина начал разговор круто:

— Кто знает, товарищи, когда зародилась рыбоохрана?

Из-за спины Вдовина худой токарь Пушкарёв крикнул:

— С новой эры!

Редко рассыпанные по рядам люди оживились. С рыбоохраной у большинства из них отношения были прохладные.

— Немножко товарищ не угадал, — сходу откликнулся бровастый. Похоже, у него эта приманка срабатывала безотказно.

— Не с новой эры, а до неё.

— Выключить Пушкаря из рыбаков!

— Зачем же? К несчастью, многие не знают истории этого вопроса. А дело обстоит таким образом. Ещё в “Книге мёртвых” — это Древний Египет — выходит, первобытный строй, говорится: “Я не истреблял животных на их пастбищах, я не ловил сонной рыбы...” Перечисленные действия уже тогда считались вредными и грешными.

Можно привести ещё примеры древнейшей рыбоохраны, разумность которых сохранилась до наших дней. У западных готов в пятом веке нашей эры существовал закон, по которому забойки для лова рыбы в реках можно было делать только в полреки. По шотландскому закону XIII века заграждения в реках для лова рыбы разрешалось делать с просветом такой ширины, чтобы в нём — я вам цитирую дословно: “могла повернуться трёхлетняя свинья”.

В рядах удивлённо хэкнули. Лектор чувствовал себя рыбой в воде.

— А вот вам, товарищи, один из законов Петра Первого. Им запрещалось ловить на перетяжку без наживы — это нынешняя браконьерская самоловная снасть. Проходящая рыба цепляется, как придётся, много уходит просто раненой и потом погибает.

От древних времён лектор быстро перешёл к дням нынешним и заговорил о сёмге. Из рядов отливными абиками* выступили настороженные лбы. Сёмга стала пугающей и далёкой, хотя многие ещё не успели забыть ту пору, когда эту рыбку можно было и добыть без хлопот, и купить без опаски. Витёля тоже полавливал её. Но пошли слухи, что приняли какой-то строгий закон: одного поймали, отобрали снасть, оштрафовали, другого посадили — и Вдовин бросил игру с властями. Однако всё время думал, что власти в этом деле гнут не туда. Царская она, конечно, еда, но разве море ею обедняет? Как истинный помор, Вдовин твёрдо верил, что знает о рыбах всё. И вдруг выяснялось, что с сёмгой дела могут быть худые. Плодовитость

* Абик — обнажающийся во время отлива большой подводный камень.

её, говорил бровастый, по сравнению с другими рыбами, очень невелика. Если треска откладывает до 9 миллионов икринок, палтус — три с половиной миллиона, щука и та — триста тысяч, то сёмга — самое большое — 30 тысяч икринок. Чаще же — в два-три раза меньше. Для нереста эта рыба заходит из моря в реки. Нерестится, в основном, лишь раз в жизни. После чего вскоре погибает. Из каждой сотни отнерестившихся сёмг скатываются в море всего несколько штук. Через год на повторный нерест возвращается самое большое три-пять рыб. К третьему нересту доживает ещё меньше. К тому же до взрослой рыбы у сёмги множество врагов. Поэтому вырастают из икринки единицы, и ловят её не тоннами, а штуками.

Час, наверное, лектор рассказывал о жизни. И чем дальше, тем беспокойней чувствовал себя Вдовин. Ему вдруг начали явственно видаться входящие в устья рек большие серебристые рыбы. Толкаемые какой-то неведомой силой внутри себя, они мощно пронизывают тугой встречный поток. Блётками рассыпается в стороны речная мелочь, и, кажется, ничто не способно остановить выросших в море великанов на последнем в их жизни пути.

Но эти картины тут же сменились другими. Сёмгу что-то подхватило, вырвало из воды. Она яростно бьётся. Удар колотушкой. Оглушённая рыба падает на дно лодки, и в набухшем сёмужьем животе замирает жизнь тысяч её повторений.

Ещё до того, как лектор кончил, Витёля понял, что сёмге нужна защита.

* * *

В инспекцию Вдовин поступил, как днём в автобус вошёл: ни толкотни, ни мятого бока. Старшему инспектору Гаврилину он чинил когда-то телевизор. Сам Витёля не помнил этого, но Гаврилин уваженья не забыл.

— Значит, решил с браконьёрством бороться? — спросил он, пересекая нервным почерком вдовинское заявление. Старший инспектор был узколиц, сильно смугл и, похоже, ещё молодой. Однако чёрные, кудрявые волосы уже изрядно просекла седина. Врагов своих он не по-здешнему называл “браконьёрами”, и каждый раз это слово пронзало его болью, от которой на миг синели губы и округлялись глаза.

— Ради природы, извиняюсь за выраженье, — поспешно вскочил и вытянул руки по швам Вдовин. Он малость струхнул от гаврилиных преображений.

— Это правильно. Мы не можем ждать милости от природы после всего, что с ней сотворили. Да ты садись, садись!

Старший инспектор уже пришёл в себя, и только подрагивающие ноздри тонкого носа напоминали о недавней буре.

— Наша работа, — Гаврилин скосил глаз на заявление, — Виктор Николаич, тяжелей, чем в милиции. Тех когда-никогда добрым словом помянут. Праздник у них есть, награды дают. Говорят: мильцанер такой, мильцанер сякой, а чуть чего: дяденька мильцанер, караул! Убивают! Нас же с тобой пока никто на помощь не зовёт. Кроме вот природы, да государственных интересов. Но природа, сам знаешь, молчит, как рыба об лёд. А интерес этот каждый на свой аршин примеряет. Видишь, чего творится в государстве? Законы вроде есть, и вроде их нет. Поэтому следить нам надо зорко и неподкупно.

Вдовин с готовностью кивнул. Выходя в тот раз с лекции, он вспомнил вдруг, как утром в депо, на верстаке, увидел брошенную кем-то московскую газету “Известия”. Газета была мятая, в масляных пятнах, но Витёля не на это обратил внимание. Название одной статьи, ясно читаемое среди жирных разводов, задержало вдовинский взгляд. “К диктатуре закона!” было написано крупными буквами. После всего услышанного на лекции Вдовин воспринял эти слова, как приказ. Хотя спроси его, что такое диктатура, он толком, наверное, и не объяснил бы. Со школьных годов сидело в памяти “диктатура пролетариата”. Потом много лет говорили и писали про диктатора Пиночета. Диктатура, представлял Вдовин, это какая-то большая власть,

суровая к одним, но полезная другим. Когда он после лекции вспомнил слова в замасленной газете, у него всё сложилось. Сёмгу надо защищать. А её врагов — браконьеров — давить.

На следующий день после лекции он набрал в железнодорожной библиотеке книг про рыб и о природе. Ася Львовна — бурристая, как оплывший огарок, библиотекарьша подложила к этой стопе и художественную повесть. Про сёмгу, где она родилась, ну, и жила дальше. Ночами Вдовину стали сниться зеленоватые глубины, время от времени там медленно проходили одинокие рыбы, похожие на акул. Вите́ля задом отплывал от них, пока не касался пятками мягкой и почему-то тёплой подводной скалы. Но тут появилось лицо Петра Первого, каким его Вите́ля видел в “Истории СССР”. Левитановским голосом царь гремел: “В конце XVIII века в реке Куре ловили каждый год по десять тысяч белуг, а уже в XIX веке белуги почти не осталось. Браконьеры!..” Круглые глаза Петра были выпучены, как у морского окуня, поднятого из глубин. Жёсткие кошачьи усы сердито двигались. Вите́ля тревожно ворочался, и вдруг близко раздавался Люськин голос: “Спи, как следует. Ногами всю захолодил. Не знай чего дёргается...”

— Пошлём документы на тебя в область, — продолжал Гаврилин. — Хотя дело не к спеху. А ты устрой пока ревизию нашему хозяйству. Говорят, в моторах разбираешься. Мастера у нас аховые. Я лишь мечтаю о том времени, когда охрану природы будут оснащать и ценить, — Гаврилин задумался, подыскивая сравнение, — как, например, пограничников.

Вите́ля деликатно улыбнулся.

— Не веришь?

Гаврилина скосоротило.

— Будет такое! Вот тогда запоют у нас браконьёры Лазаря!

* * *

До конца апреля Вдовин перебрал несколько лодочных моторов. Заодно подремонтировал казённый мотоцикл (свой по-прежнему стоял в углу кухни). А когда отшумел самый дорогой вдовинский праздник — День Победы, Вите́лю отправили в областную инспекцию.

Вернулся оттуда новый инспектор с удостоверением личности, с наганом и твёрдым приказом ни в коем случае не стрелять, если, конечно, кто-нибудь из рыбьих воров первым не сделает дырку во вдовинской фуражке с “крабом”, которую он за пол-литра купил в Мурманске у обалдевшего от праздников “бича”. А тут вскорости лёд на реках взломало. По синевосверкающей глади моря тронулись льдины. Рыбинспекция перевела ручку своей жизни на “товсь”.

Под навесом, где Вдовин ремонтировал моторы, Гаврилин собрал своё воинство. Навес стоял близко к обрыву берега. Где-то внизу туго били под скалу невидимые волны. Косыми молниями оттуда взлетали чайки, мгновенно держались чуть выше навеса и с резким криком — словно железом блискали по стеклу, падали за скалу. Воинство курило, жадно глядело на колышющийся ковёр моря. Пять месяцев предстояло этим людям болтаться вдоль побережья, спать и есть где придётся, от случая к случаю наведывать дом. К концу сезона многие божились, что рассчитаются. Однако, встав на семейный прикол, трудно отходили от летней вольницы. Тяготились пресной стреноженной жизни, опухали с пересыпу и снова ждали весны, за которой вставали беспокойные дни, нащупывающие разговоры в чужих домах, бульжанный звук стаканов в глухоте белых ночей.

С утра, в честь начала сезона, кое-кто вышел. Где брали водку, никто ни у кого не спрашивал. Недавно ввели талоны на продукты: в месяц — две бутылки водки на человека. Но инспектор для рыбаков был поважней большого партийного начальника. Умаслить его — всё равно, что прикормить рыбу у своей лунки.

Под навесом то и дело вспыхивал хохот. Мужчины задирали друг друга, как борзые, рвущиеся с поводков.

Подошёл Гаврилин, пряча в конверт бумажку. Его тоже поддели. Он прыснул, весело отмахнулся, но тут же построжал и начал напутственную речь. Над “браконьерами” заклокотали громы и молнии. Старший инспектор призывал обрушить всю силу закона на этих недоносков общества, выявлять денно и ночью, карать штрафом и судом. Затем он повернул к рыболовецким колхозам, и Вдовин с удивлением услышал, что здесь тоже надо держать ухо востро.

— Запасы сёмги, как вы знаете, товарищи, ограниченные. Хотя она нерестится в наших реках, хотя мы и строим рыбопроизводные заводы, растёт сёмга в открытом море. Вдали от наших берегов. И вот некоторые страны сейчас стали ловить её там, не дожидаясь, пока она уйдёт на нерест.

Под навесом зароптали.

— Куда наши-то смотрят! — крикнул полный мужчина лет сорока в очках на одутловатом лице. — Подводную лодку под них — сразу отловятся. Гаврилин нахмурился.

— Ну, это, Федотов, не нашего ума дело. Нам свою задачу надо выполнять как следует. Тем не менее, — повысил он голос, — у нас есть некоторые товарищи, которые с браконьером живут в корешах.

Гаврилин потряс конвертом.

— На участке Карнаухова... Ты где, Карнаухов?

— Тут я, — откликнулся тощеватый мужичок.

— Ага! Знаешь ты такого Мошникова?

— Сморя какого! — весело крикнул Карнаухов. — У нас их десять штук в каждом селении.

— А вот такого, — вскипел Гаврилин, — который безнаказанно блудит у тебя на участке!

— Такого не знаю.

— Вот вам, товарищи, и рыбинспектор! Люди знают, мне об этом пишут (Гаврилин потыкал пальцем в конверт), а страж порядка не знает.

Карнаухов негромко — для соседей — огрызнулся: “Гласность — в рот ей два весла. С мово ж села человек. Заедят потом”. Гаврилин не мог услышать этого — стоял далеко. Но, видимо, догадался.

— Вы чего там шепчете? — тихо произнёс он, и губы его вдруг перекосило. — Может, устали у нас работать?

Под навесом сразу насторожились. Такой поворот сулил крупные неприятности. За недолгое время работы в инспекции Гаврилин уволил несколько человек, а потерять хлебное место, когда в магазинах шаром покати — такому только дурак обрадуется.

— Дак мы... куда он, Альберт Петрович, денется. Помаем мы его, — засуетился Карнаухов.

— Поймаем. Только без вас. На этот участок направим товарища Вдовина. А вы поблизости от нас поработаете. Глянем, чего к чему.

Гаврилин остро посмотрел на Вдовина.

— Согласен, Виктор Николаич?

Вите́ля решительно кивнул. Он был как патрон, втиснутый со стальным клапаном в ствол и готовый выстрелить туда, куда ствол направят. Люська ждала-ждала, что Вите́ля одумается, пугала уходом, но Вдовина не прошибло. Забрав дочку, она ушла к своим. Вите́лина мать — худая, высокая и молчаливая женщина — несла свой крест без жалоб. Однако тут и она не выдержала. Встала в дверях, растопырила руки. Все люди, как люди, дорожат семьёй и работой, а этот, куда ни ступит, то вляпается. Отец ранетый был, за такого причудника воевал, а ему хочь плюй в глаза — всё божья роса. Жена который раз уходит — как тута не уйдёшь? Ловил рыбу, теперь ему давай людей ловить.

Вите́ля окрысился на мать, взволнованно закричал: “Не понимаешь ни бум-бум и не лезь! Об государстве надо думать! Доим его, кто ловчей ухвтитесь, а у государства, может, беда”.

Поэтому карнауховское отношение к делу Вите́ле сильно не понравилось.

— Держут тут всяких, — сквозь зубы прошипел он, — потом, извиняясь за выраженье, вещи пропадают.

Стоящий рядом Федотов медленно оглядел Витёлю с головы до ног и хотел что-то сказать, но тут старший инспектор ошарашил его:

— Вы, Федотов, пока вдвоём поработаете со Вдовиным. Участок отдалённый. Там, я чувствую, инспекторским духом не пахнет. Зато браконьёры, душа с них вон! — рывкнул Гаврилин, — живут, как у Христа за пазухой!

* * *

Новый дом колхозной конторы стоял над самой рекой в отдалении от всех изб села. Стрельников умышленно велел построить его здесь. Не много было машин в колхозе, но каждая за чем-нибудь да подъезжала к конторе. Из-за этого единственная улица, когда правление занимало дом в самом селе, была всю весну, лето и осень разъезжена до непроходимости. А сюда, по-над рекой катайтесь, сколько влезет. Опять же, колхоз рыболовецкий, главный транспорт — дёрбы, карбасá и лодки. Пристают прямо под окна конторы. Стрельников видит, кто по дому соскучился, а кто делает план на тонях.

План не даёт покоя председателю. Два года колхоз обгонял всех на побережье. Стрельникова начали хвалить в районе и даже в Мурманске. Тыкали им других председателей. Молодой руководитель, недавно принял колхоз, и смотрите, как сумел организовать людей. Не в одних людях было дело — Стрельников знал это лучше других. Но похвалы приятно щекотали. За зимы насиделся в президиумах, узнал много разного народу, в том числе — “нужного”. Однако, когда дали план на новый год, опешил. Как появились прошлые успехи, не очень опытом поделишься. А тут надо дать сёмги ещё больше.

Возле конторы послышался топот. Стрельников потянулся к окну, которое выходило в сторону села. Окно, что справа за спиной, глядело на реку. Оттуда разве водяной мог прискакать. Не успел председатель приспуститься на стул, как в коридоре забухали шаги.

— Валерий Иванович, беда!

— Ну? — иронически уставился Стрельников единственным глазом (второй в мальчишках выжгло порохом) на коротконового бригадира Мезина. — Бабы на тоню приехали?

— Вот-те и ну! — обиженно передразнил Мезин, отдирая с пиджака шмотки грязи. — Приехали, да не бабы. Вдовин с Федотовым.

— Эх, мать твою! — изменился в лице председатель. — Когда?

— Мы аккуратно сети проверяли. Я ихний мотор услышал. Гребенькову Васюне кричу: “Сбрось сёмгов половину в анбар!” Как будто вчера поймали. Но этот хитрый, стерва... новичок. Вдовин-то! Федотов — очками луплуп и вроде не заметил. А Вдовин на сети глянул — и в анбар.

Стрельникова выбросило из-за стола. В два шага он подошёл к окну, которое выходило на реку. Вниз по течению река просматривалась примерно на километр. Никого на ней не было.

— Что делать? — перемялся в заляпанных грязью сапогах Мезин.

— Снять штаны да бегать! — рассердился председатель. — Что делать... Ушами меньше хлопать! Мне как будто одному план нужен...

Он запустил пятерню в жёсткие рыжие волосы, поскрёб голову. Подошёл к бригадиру, глянул на него одним глазом сверху вниз. Стрельников был высок, узкоплеч, выглядел необматеревшим ещё переростком, хотя перевалило мужику за тридцать. Продолговатое лицо его пылало, и светлые брови дёргались, как рыбки на раскалённой плите.

— Они видели, как ты уехал?

— Похожа нет.

— Похожа... свинья на ёжа. Дуй сей момент к себе. Только подальше от реки держись. Они, небось, ко мне уже едут.

Через некоторое время снизу послышался комариный зуд. Стрельников подошёл к окну, толкнул створки. Солнце поднялось уже высоко. Но среди на реки ещё кое-где парила. Туман держался и у противоположного берега, который был в лесной тени. При открытом окне комариный зуд сразу стал

далёким гулом. Стрельников сплонул. Моторы он различал на слух — до того, как на волне демократизации его выбрали председателем, работал механиком. Снизу на полной скорости шла инспекторская лодка.

Когда она причалила, Стрельников вернулся к столу, стал читать записки бригадиров о последних удобах.

— Можно, Валерий Иванович?

Председатель подвигал очередной листок, вроде не слыша. Потом поднял зелёный глаз к дверям.

— А-а, — удивился он. — Два друга — мосла! Третьего собака унесла...

К нему вернулась его насмешливость и уверенность в себе.

— Чего это ни свет, ни заря к нам?

— Кто рано встаёт, тому — сапоги, — показал Вдовин глазами на грязь от мезинских сапог. — Остальным — лапти.

— Не убирают вовремя, — сокрушённо закивал председатель. — Каждый человек на счету. Пути́на. Вот и некому палубу драить.

— Драй Мезина, — посоветовал Вдовин, падая на стул перед столом председателя. — Чтоб сапоги чистил у порога. И коня не гонял.

— Гляди-к: следопыт...

Стрельников слегка смутился. “Где он им попал, чёрт? Ведь сказал: к реке не соваться”. Угаданный приезд бригадира менял обстановку. Валерий Иванович сначала хотел отбрехаться: не знаю, как они там поставили ловушки — давно не был в бригаде. Конечно, сей момент прикажу открыть полреки. А Мезина? Мезина накажем.

Теперь игра не получалась. Поняли это и рыбинспекторы.

— Что ж эт ты делаешь, Валерий Иванович? — серьёзно спросил Вдовин. — Мы браконьеров-одиночек ловим, а председатель колхоза опять почти всю реку перекрыл.

Валерий Иванович побагровел. Зелёный глаз гневно сверкнул. Но председатель сдержал себя.

— Душат планом, Виктор Николаич, — как можно проникновенней пожаловался он. — Не выполнишь — отругают. А выполнять... вон видишь, как его выполнять приходится.

Ему было неприятно оправдываться перед этим плотненьким, строго слушающим человеком. Но другого выхода он не видел. В первый же свой приезд Вдовин оштрафовал председателя. Стрельников махал длинными руками перед фуражкой с крабом, подбегал к Федотову — его он однажды видел с прежним инспектором Карнауховым, однако Вдовин только холодил синие глаза и скрипуче повторял: “Закон, дорогой товарищ! Закон”.

После этого Валерий Иванович решил наладить человеческие отношения с новым инспектором. Сёмга вдруг перестала идти, сети, поставленные по правилам, мокли пустыми. Стрельников слетал в Мурманск — большие сёла были связаны с областным центром самолётами, достал через “нужных” людей пол-ящика дорогого коньяку. Спустившихся с верховьев реки Витёлю и Федотова встретил заставленный стол в председательском кабинете. К середине белой ночи запели — у председателя оказался хороший голос. К утру совсем сладились, и Стрельников закричал в очки Федотову: “Н-н-на паровоз можно пускать! П-п-по вагонам! П-п-подадут”. Но Витёлю вдруг встал, напылил “краба” и помахал пальцем перед раздутыми ноздрями: “Закон, дорогой товарищ! Закон”.

С того времени Валерий Иванович, как вспоминал о новом инспекторе, так сразу терял настроение.

— Я-то вас понимаю, ребята, — поглядел он на Федотова. С тем, чувствовал председатель, можно было договориться. — Поймите и вы меня.

Федотов закурил, бросил спичку в окно. Мясистое обветренное лицо с широким носом и словно выгоревшими глазками под очками не выражало ни злости, ни твёрдости, а было усталым и сочувствующим.

— Приятно у тебя здесь, — показал Федотов за окно.

— А он эту приятность хочет мёртвой сделать, — расстегнул Витёлю сивый, ещё Люськиного детства, портфельчик. Там у него лежали бланки протоколов.

Стрельников мельком глянул на Вдовина, понял, в чём дело, и энергичней потянул в разговор Федотова.

— Приятно туристу, Евгений Кузьмич, — с некоторой обидой сказал он. — Нашему брату хозяйственнику некогда природой любоваться. Личной жизни нет. Не знаешь, от кого дети.

Вдовин коротко засмеялся.

— Придётся, Валерий Иванович, ещё раз тебя оштрафовать. Теперь на всю катушку. Чтоб знал.

Председатель вскочил со стула, оттолкнул его и снова брякнулся на стул.

— Молодец!

— А ты браконьер! Предупреждал я тебя? Через твои ловушки ни одна сёмга на нерест не попадёт.

— Он их снимет, — сказал Федотов.

Вдовин ошпарил синим светом тучного коллегу.

— Не сниму! — крикнул Стрельников, перевесившись через стол к Вдовину. — Отвезу несколько сёмгов, куда надо, и заплачу тебе штраф.

— А-а, вон ты как!

Витёля бросил портфель на стол и вскочил навстречу председателю.

— Одноглазо смотришь, дорогой товарищ, на государственный интерес. Очень даже одноглазо.

Стрельников обомлел. Его никто ещё так не оскорблял.

— Теперь понятно, с кого берут пример эти... Мезины там всякие... или Мошников Сергей. Поймали вчера, а он лыбится, как ясный месяц. Помнишь, Федотов?

Федотов встревоженно шагнул от окна. Рыжая голова председателя угрожающе нависла над вдовинским "крабом". Стрельников дёргал губами, но от гнева не мог ничего произнести.

— Не-ет. Ты у меня штрафом не отделаешься. В суд! — топнул Вдовин. — Ещё древние... эти...

Витёля от волнения забыл, кого называл бровастый лектор. Не то боты, не то жмоты — что-то вроде этого, а кто именно, он никак не мог вспомнить.

— Короче говоря, до нас они жили... Германцы! Они и то устраивали на реках запруды с большими просветами. Чтоб могла трёхлетняя свинья перевернуться. Такая здоровая, как ты!

Стрельников, выпучив зелёный глаз, зашарил рукой по столу.

— Ээй! — поспешно встрял Федотов. — Он, конечно, виноват, но зачем ты так, Витёля!

Председатель быстро обернулся к Федотову.

— А ну брось курить у меня в кабинете! Из-за всяких тут... германцев... рак наживать. Значит, в суд? — снова навис он над Вдовиным.

— И никаких гвоздей! — твёрдо сказал Витёля. — Закон, дорогой товарищ. Закон!

Председатель опал на своё место, сплёл длинные руки на груди.

— Смотри-и, дорогой товарищ, — насмешливо передразнил он Вдовина. — Без году неделю работаешь, а скок людей налил. Рассказывают уже кой-где.

Федотов выбросил окурок в окно.

— Давай ограничимся, Виктор Николаич, штрафом. В последний раз. А половину ловушек снимим, — строго сказал он председателю. Тот сообразил, сразу же кивнул.

— Обязательно. Сей момент.

Вдовин неприязненно посмотрел на обоих.

— Ничего не могу обещать.

Федотов снова, как тогда под навесом, медленно оглядел Витёлю с фуражки до резиновых сапог и кивнул председателю.

Возле лодки он, наконец, проговорил:

— Власть что ль зудит в тебе? Аль по натуре вспыхливый?

Витёля отходил быстро. Потянулся с хрустом на тёплое солнце. Сказал миролюбиво:

— Не для себя стараюсь.

— А он для себя? В такую рамку его засунули. Какой ногой ни дрыгнет — обязательно за рамку вылезет.

— Да как ведь закон, Федотов! — удивился Вдовин.

— Закон, Витёля, это когда люди не мешают друг другу жить.

— Не бывает такого, чтоб всех устраивал закон, — сказал Вдовин. — Кто-то будет недоволен. Но он должен подчиняться, если с законом согласно большинство.

— А кто его — закон — устанавливал? Мы с тобой? Нет, власть. А власть эту мы с тобой назначали? Тоже не мы. Надо отбросить эти законы... советские... и жизнь будет хорошая.

Вдовин открыл рот, чтобы одёрнуть напарника — ему было неприятно слушать такие слова. Тем более, говорил об этом Федотов в последнее время всё чаще. Вдовин даже заметил, когда это началось. После их поездки в город на голосование. В тот раз Гаврилин велел всем приехать, чтобы участвовать в выборах президента России. Витёля не понимал, зачем нужен президент в России, если у Советского Союза он есть. Так у каждой республики появится свой, и что тогда делать с этой кучей президентов? А ещё он не мог определиться, кому отдать предпочтение. Немножко нравился неизвестно откуда взявшийся рослый, красивый мужик по фамилии Ельцин, который обещал навести порядок, сделать всех богатыми, отдать простым людям всё, что имеет власть, однако бросать развороченный свой участок ради выборов Витёля не хотел. “Обойдутся без меня”, — подумал он и даже сказал об этом Федотову, вызвав у того кривую усмешку. Но Гаврилин приказал быть обязательно, и Вдовин нехотя подчинился. Заодно решил навестить мать.

Он пробыл в городе полсубботы и воскресенье. В понедельник утром уже плыл на пассажирском катере к поморскому селу, откуда начинался его участок. А Федотов зачем-то отпросился у Гаврилина на три дня, где был — рассказывать Витёле не стал, как тот его ни спрашивал, только после этого заметил Вдовин, что напарник стал говорить о власти — и не о городской даже, а о обо всей власти — ядовито, ругать зло партocrats, от которых, по его словам, жить людям становилось всё хуже.

Витёля отчасти с ним был согласен. Приехав в тот раз в город после недолгого отсутствия, увидел, как перед магазинами очереди стали длинней, сбиваться начинали ещё до открытия, а торговцы, не стесняясь, запускают в задние двери, кого им надо. В этом, как полагал Вдовин, конечно, была виновата власть. Но не вся, а та, что отвечает за работу магазинов. Вот этих людей надо было как следует наказать. Снять с работы, может даже посадить в тюрьму. А так, чтобы всех поголовно — на это он согласиться не мог. Поэтому каждый раз строго обрывал Федотова, не давая тому слишком разойтись в брани.

Хотел он приструнить напарника и теперь, но едва раскрыл рот, как сверху, от конторы, кто-то пронзительно свистнул. Рыбинспекторы вскинули головы.

— Эй, два друга — мосла! — насмешливо закричал из окна Стрельников. — С почты звонют. Деньги вам какие-то пришли.

Он навалился тощей грудью на подоконник.

— Приходите! Кой-чего найдём.

— Некогда! — крикнул Витёля, обрадованный, однако, что зарплату прислали. Деньги у обоих кончались.

— Эх, Витёля, Витёля, — подтыкнул очки Федотов. — Некогда тебе... Да запались она огнём-плёмем — наша работа — за такие деньги! Надо не об ком-то думать — об себе. Самый лучший друг человеку — он себе сам. В Америке чёрный работяга... негр, вроде наших бичей... получает 5 долларов в час. Ты их хоть видел — доллары?

— Не-а. А ты?

— Меньше ему не имеют права платить, — продолжал Федотов, не отвечая на вопрос. — Такой у них закон.

— Откуда знаешь? После выборов в Америку съездил?

— Знаю. Хорошие люди дали почитать.

— Ааа... Написать можно, чего хочешь. У нас тоже пишут — всё хорошо.

— Да-а это кто пишет? Партократы! Ихние брехуны! А почитай демократов...

— Такие ж, видать, брехуны.

— И-их ты! Мы не только читали. Нам рассказывал про ту жизнь один человек. Недавно оттуда приехал.

— Какой человек? — насторожился Витёля.

— Как мы с тобой, — ушёл от ответа Федотов. Он хотел рассказать про доллар, про знакомство с инженером Самойловым, но, заметив, как напрягся Вдовин, решил промолчать. Хотя носить в себе острые впечатления тех дней ему было всё труднее.

* * *

Ещё неделю рыбинспекторы прочёсывали реки и озёра Витёлиного участка. Иной раз в день покрывали с десяток километров, пересеживаясь с моторки в надувную лодку, шли пешком, чтобы попасть к какому-нибудь глухому озеру в лесах. Леновтому и флегматичному Федотову такой темп сильно надоел. Задержав браконьера, он с удовольствием ругался с ним, пугал его, потом толковал о непутёвой жизни бедолаги, снова кричал, вдруг наткнулся в разговоре на общего знакомого и после этого готов был тут же устроить костерок, выпить, посидеть — лишь бы никуда не ехать в ближайшее время. Но Вдовин быстро составлял протокол, бросал потёртый портфельчик в лодку. “Гляди, извиняюсь за выраженье, допрыгаешься, — скрипел он браконьеру. — Сейчас вот так, а будет вот так”. И показывал решётку из пальцев.

Чем дальше, тем сильнее этот Витёлин азарт раздражал напарника. Будь Федотов старшим, он подавил бы на Витёлю. Или придрался: не так сделал. Но Вдовин как будто полжизни отработал в инспекции. Хитро скрадывался, чтоб захватить врасплох браконьера, припирал пойманного намертво, откуда-то знал повадки рыбьих воров и, главное, был неутомим.

Они оказались очень разными людьми. Какими бы крутыми и захватывающими ни были увлечения Вдовина, он после них с виноватинкой и новым азартом возвращался, как от закружившей его подружки к законной жене, к своему постоянному делу — слесарному.

А Федотов никакого дела толком не одолел. Был он постарше Витёли, однако, в отличие от Вдовина, мест переменял много. На механическом заводе работал в стройцехе. А там какое освоишь дело: то пошлют фундамент под станок бетоном залить, то заложить кирпичом дырку в стене.

На овощной базе числился плотником, но всего-навсего ремонтировал ящики. Одно время кочегарил в котельной, ушёл: мало платят. После был сторожем в школе. Перед инспекцией года полтора работал в пожарной охране. Хотя повсюду висели объявления: “Требуются...” Федотов нигде долго не задерживался. На вопрос Вдовина: “Почему?” с усмешкой ответил: “Работы надо иметь поменьше, а денег побольше”.

Витёле такое объяснение не понравилось. Подумал, что и в инспекции, где Федотов работал второй сезон, он долго не задержится. Тем более что, судя по его поведению, напарник работой не очень дорожил. Отобранную у браконьеров сёмгу мог и Вдовин “конфисковать” для общей с Федотовым нужды. Но на другое: на снасти, вещи — у него был личный запрет. Отбирать, считал, можно только по суду. Однако Федотов тянул руки и к вещам. Однажды отнял у деревенского мужика куртку-дождевик. Лишь после вмешательства Витёли вернул вещь чуть не плачущему браконьеру. А после поездки на выборы забрал у браконьера неработающий приёмник.

— Зачем он тебе?

— Сгодится. В хозяйстве и таракан — скотина.

— Ну да. Если ничего другого нет.

Уставший от вдовинской гонки Федотов несколько раз звонил в инспекцию с надеждой, что отзовут: времени прошло немало. Гаврилина всё не было на месте.

Однажды в полдень пристали к селенью домов из двадцати. Тут была отдалённая бригада соседнего со стрельниковским колхоза. Вдовин решил познакомиться с бригадиром и зайти в магазин — подкупить хоть каких-то продуктов: в некоторых деревнях, благодаря работе потребкооперации, с товарами было получше, чем в городе.

К удивлению инспекторов, бригадиром оказалась дородная, на вид моложе их, женщина с красивым, скорбным лицом. Пока Вдовин разговаривал с ней, Федотов настойчиво крутил диск телефона. Наконец, инспекция ответила. У телефона был Гаврилин.

— Вы куда провалились? — закричал он, узнав Федотова. — Ищу вас по всему побережью. Только протоколы получаю.

Федотов, довольный, положил трубку.

— Всё, Витёля! Отзывают меня. Немедленно.

Не теряя времени, на полном газу, да ещё по течению быстро пронеслись вниз до стрельниковского села. Здесь они квартировали у одинокой старухи. До осени могли теперь не встретиться, а как-никак много дней прожили в одной лодке, в одних избах. На скорую руку сделали закуску. Федотову не терпелось быстрее уехать, но раньше следующего дня вроде как не получалось: надо было забросить Витёлю вверх по реке, до порогов. Оттуда Вдовин пешком должен идти до границы своего участка. Поэтому Федотов расслабился и, подняв стакан, тепло сказал:

— Давай на прощанье.

— Ты как на войну собрался.

— Всяко может быть.

— Ну, если только браконьеры меня утопят, но я таких кандидатов пока не вижу.

— Против народа идёшь, Витёля. Вроде не слепой, а не понимаешь, что кругом происходит. Партократы всё подмяли под себя. И ты с ними в одной лодке.

— Вон как! А я думал, всё это время был в одной лодке с тобой.

— Об народе надо думать, Витёля. Об народе.

Федотов сказал это и сам удивился, как легко у него вышло повторить слова Самойлова. Три дня, которые он провёл с людьми из “Народного фронта”, зажгли в нём то, что давно готово было вспыхнуть, словно высохший до звона хворост.

— Этой власти не служить надо, а скovyрнуть её. Другие люди должны взять власть.

— Уж не ты ли?

— А почему и нет? Я бы о народе думал.

— Но сначала о себе?

— А что в этом плохого? Сытая власть будет лучше заботиться о народе. А эта... пфу! — плюнул Федотов.

Он никогда не любил никакую власть. Правда, о своих чувствах к Большой власти помалкивал — распространяться об этом было небезопасно. Но низовую власть, особенно ту, что рядом — бригадиров, мастеров, начальников смен и цехов он не любил почти открыто. Все они занимали свои места, как считал Федотов, незаслуженно, и в действиях каждого из них он легко находил неправильности. Только говорил об этом не часто. То лень было ввязываться, то понимал, что никто особо слушать не будет. Поэтому чаще всего перебирал и смаковал недостатки ближних начальников про себя.

Он не любил власть не потому, что был бунтарь. Бунтарь — человек действия, а Евгению нравилось, находясь в какой-то внутренней расслабленности, мысленно перебирать недостатки тех, кого он считал властью, и сладостно представлять себя на их месте. Он не видел своих конкретных действий на том, властном посту, представлял себя как бы в некоей дымке, стоящим то ли на трибуне, то ли на другом каком возвышении, но обязательно вверху, а внизу — люди... люди, и все с покором смотрят на него.

Среди новых знакомых тоже оказались начальники, но они не вызвали у Федотова такой неприязни, как остальные. Эти сами отвергали власть, а значит, были сродни Евгению, и потому он чувствовал себя равным всем им.

За три дня Федотов узнал много нового, услышал такое, о чём раньше не догадывался. Узнанное как бы приподнимало его над другими. Поэтому с каждой новой порцией выпитого он смотрел на Витёлю всё более снисходительно. Так человек, внезапно допущенный до больших секретов, глядит на своего наивного знакомого, не подозревающего о скорых переменах в его и других жизнях, с некоторым величием, с жалостью к нему и даже с сожалением по поводу того, что не может прямо сейчас поделиться узнанным.

Наконец, Федотов не вытерпел.

— Ты меня спрашивал про шахтёров, которые стучат касками в Москве.

— Ну?

— Спрашивал, на чьи деньги они стучат.

— Да. Деньжищи нужны большие. Привезти целый поезд в Москву, поселить их в хороших местах — это не у нашей Мефодьевны на квартиру встать...

— Добавь шахтёрские семьи — им ведь тоже надо на что-то жить...

— И кто за всё это платит?

— Иностранные профсоюзы, — сообщил Федотов с таким видом, словно сам только что отдал шахтёрам эти “деньжищи”.

— Это тебе вместе с долларами рассказали?

— Да, знающие люди из “Народного фронта”.

— Выходит, разрушают наш порядок на чужие деньги?

— Какие чужие? — вскричал Федотов. — Демократы Запада помогают победить демократии у нас.

Он вспомнил сбор на квартире инженера Самойлова. Там было шесть человек. Евгения привёл туда случайно встретившийся в магазине знакомый парень — вместе работали в кочегарке. Борис Семёнович Самойлов готовил всех быть наблюдателями на выборах. Четверым дал фотоаппараты, двоим — кинокамеры. Федотов не умел фотографировать. Самойлов показал. Но при этом заметил: “Получится у вас снимок или не получится, неважно. Главное, партюкраты в избирательной комиссии увидят, что вы снимаете. Мы боремся за Ельцина, и они должны это знать”.

После Борис Семёнович раздал всем инструкции, где было написано, как вести себя на участке, как регистрировать нарушения, как привлекать внимание людей: криком, скандалом, даже потасовкой, если кто-то нарушит избирательный закон. Инструкции тоже помогли составить и отпечатать на Западе, объяснил Самойлов. Но об этом Федотов решил не говорить Вдовину, увидев его реакцию на деньги для шахтёров. Да и вообще ему надоел этот законник.

— Эх, Витёля, Витёля! Кругом всё рушится, а ты хочешь порядок наводить.

— Потому и надо наводить, что рушится. Покосившийся дом нужно не подталкивать, а подпирать.

В этот момент в дверях избы появилась хозяйка — высокая, сухая старуха, в длинной юбке, выцветшей серо-голубой кофте и белом платке, охватившем овальное лицо.

— Голóско* баите. Не дракúны**, а шума-та до реки.

Перед тем Федотов сказал ей, что уезжает. Она сходила в огород, нарвала огурцов и сейчас, прижимая их к груди, принесла в избу. Хотела ещё захватить грибов из погреба, но громкий разговор обеспокоил её. Прямая, как доска, с ликом непроницаемым и суровым, старуха оглядела постояльцев.

— Опеть ты, Вихтар, Евгению казнишь. Безмилостивый, паря. Дёлите цавой-та, делите. Мяготи нету промеж вами-та.

Вдовин поморщился.

— Мы о порядке, Мефодьевна, говорим. Эт как в организме... палец наколол, он нарываёт. Не лечить — пойдёт нарыв по руке. А там и гроб с музыкой. Не будем закон сохранять — всем достанется. Сейчас ты дверь веником подпираешь... Поставила веник у дверей — тебя, значит, нету. Никто

* Голоско баите — голосисто, т. е. громко говорите (поморск.).

** Дракуны — задирь, драчуны.

в избу не войдёт — такой здесь порядок... считай закон. А когда не будет закона, замком не спасёшься.

Старуха сурово выслушала Витёлю. Она, как многие, не любила инспекторов, но Вдовина — особенно. Однажды он дал ей понять, что хотя и квартирант, но человек значительный. Старуха отрезала: “Ты — руп, да подворник*, я — копейка, да хозяйка”. Все местные жители, конечно, имели сёмгу, даже запасали её на зиму. Но немного. Главной рыбой, которую солили в бочках на всю зиму, была озёрная щука. Однако сёмга — этот извечный деликатес, стала опасной, и главным носителем опасности был теперь Вдовин.

Федотов взял у хозяйки огурец, откусил, макнул в солонку.

— Спасибо, Мефодевна, за приот. Мы, наверно, сейчас тронем. Не будем ждать завтрава утра. Ты как, Витёля?

— Согласен. Вечер только начинается, а там — ночь белая.

— Куды ты, паря, походишь? — спросила старуха Федотова.

— Отвезу Виктора до падуна, вернусь сюда, а утром Стрельников переправит меня к морю.

Хозяйка слегка согнула прямую спину, поклонилась Федотову.

— Приезжай, батюшко, опеть. Тута-ти место для тебя есть, имущество своё можешь оставить. Одному-ти ему неповадно станет отдувацца.

— Не вернётся он, Мефодевна, — сдвинув брови, проговорил Вдовин. Его задело тёплое отношение хозяйки к Федотову. — Ловчее время приходит. Мырь** идёт по воде... с мутью идёт... Самый оно свою рыбу поймать.

* * *

Вдовин побыл возле порогов, наблюдая за сёмгой, которая отдавала последние силы, стремясь перепрыгнуть бурлящий водяной поток и пройти оставшиеся километры жизни до нерестилища. Затем взгромоздил на спину рюкзак, где были сложены резиновая лодка, одежда, припасы, и двинулся по берегу к верховьям реки. От порогов, как рассказывал Карнаухов, до границы участка было километров десять-двенадцать. Точно он не знал. Вдовин шёл то возле самой воды, когда это было можно, то поднимался на обрывистый берег. Дремучий лес, разорванный рекой, сдавливал её, не давая уступить ни клочка скалистой земли. Местами корни деревьев плелись по поверхности скал, а стволы гнуло в сторону реки. Вдовин хрипел, пробираясь в этом чертоломе. Искусанную комарами и натёртую мокрым воротом шею щипало; временами глаза застилала тёплые, дрожащие шарики.

На второй день, к обеду, когда Витёля хотел уже остановиться поесть, он вдруг увидал, что идёт еле заметной лесной тропинкой. Вдовин сбросил рюкзак, достал из кармана куртки влажную от пота карту. Получалось, что где-то близко деревня В. — последнее селение вдовинского участка.

Он выбрался к берегу. Река сворачивала на северо-восток. До поворота на ней никого не было.

Витёля развёл незаметный костёр, поел и снова зашагал по тропинке. Кое-где она подходила к самому обрыву. Прячась за деревьями, инспектор долго проглядывал берега.

Вдруг, выйдя в очередной раз к обрыву, Вдовин увидел неожиданно открывшиеся вдалеке дома деревни. А в полукилометре от инспектора двое мужчин время от времени взмахивали руками.

Витёля медленно присел, на карачках отполз к рюкзаку, взвалил его на спину и, согнувшись, побежал по тропинке. Расстояние он прикинул верно. Бросив рюкзак за кустами, Вдовин подобрался к обрыву, держа фуражку в руке. Осторожно выглянул. Мужчины спинниговали прямо под ним.

Блёсны они кидали неумело — Витёля был опытный рыболов. “Сейчас “борода” будет”, — подумал он о высоком мужчине в мятой шляпе, который

* Подворник — квартирант.

** Мырь — рыба на море.

стоял ближе к Вдовину. И точно: леска у “шляпы” запуталась, он выругался, стал сбрасывать её с катушки. Но здесь у второго — сутулого, в длинных резиновых сапогах — удилице вдруг дёрнуло, он откинул голову, как-то нутром крикнул и начал стремительно наматывать леску. В нескольких метрах от берега сёмга выскочила из воды, рванулась на леске в воздухе и светлой торпедой вонзилась в глубину. “От с-сука!” — просипел потрясённый Вдовин. Он хотел вскочить, однако тут у первого рыбакова затрещал тормоз, и вслед за тем удилице согнулось дугой.

Завернув рыбин в мешки, спиннингисты через некоторое время полезли наверх. И лоб в лоб столкнулись с Вите́лей.

— Привет, мужики! — сказал он, вставая. — Как жизнь удалая?

Мужчины отшатнулись назад, но там был обрыв.

— А ты откуда прынец, штоб тебе докладать? — хмуро спросил в мятой шляпе.

— Во! Давайте познакомимся. Ваш новый рыбинспектор. Вдовин. Виктор Николаевич.

— Мы ни старого не знали, ни нового не хотца знать, — шагнул вбок сутулый.

— Стоп! Мешочки сюда!

Вите́ля не успел протянуть руку, как длинный прямым ударом влепил ему в губы. Вдовин брякнулся назад, моментально вскочил и вырвал из кобуры пистолет. Во рту сразу стало горячо, губы разбухли.

— Нападение на власть! — с яростью прошепелявил Вите́ля. — Щемь лет!

Он не знал, сколько дадут — ляпнул про семь лет наобум, но шевельни длинный хотя бы бровью, Вите́ля тут же врезал бы ему пистолетом.

— Мешочки!

Мужчины заколебались, но видя перед собой пистолет, покорно отдали мешки.

— А шпининги шами тащите. Да. Штоп! — вспомнил Вите́ля. — Ты, в шляпе! Возьми-к вон там мой рюкзак.

Длинный набычился.

— Давай, давай! Шрок дадут — пригодитьша.

Он повёл их через деревню, спрашивая, где тут и какая есть власть. Оказалось, по дворам вместе с бригадиром отделения и колхозным зоотехником ходит председатель сельсовета. В разгаре было короткое северное лето, а людей для заготовки сена не хватало. Возле бригадирского дома Вите́ля нашёл представителей власти, показал удостоверение.

— На этого — протокол. А этому — шуд будет!

Пожилой бригадир тоскливо глянул на своих гостей.

— Ну, перьвой-та раз можа простим? — сказал председатель сельсовета — худощавый мужчина в светлом пиджаке. — Ваши люди здеся никогда не появлялись.

— Жакон, дорогой товарищ! Жакон! А профилактику проведу. Могу прям жавтра.

На следующий день в избу, где показывали кино, бригадир собрал людей. Вся деревня знала, в чём дело. Вите́ля вышел по форме: застегнутый, в резиновых сапогах и в “крабе”. Снял фуражку, положил на стол.

— Шегодня, товарищи, я с многими говорил.

Губы ещё болили, Вдовин морщился.

— Шлуцилась такая неприятная вещь. Оленин Алекшей пойдёт под шуд. Напарник его — Кишин Кузьма — жаплатит штраф. Баальшой штраф. А пощему? Нарушение жакона.

Вдовин вспомнил вдруг бровастого лектора, книжки, которые потом прочитал, напутственную речь Гаврилина и, шепелявя, кривясь, начал “профилактику”. Он говорил о Петре I и законах древних людей, о трудной жизни сёмги и происках соседних государств. Ещё никогда в жизни Вите́ля не чувствовал так своей значительности, как в этой избе, где по стенам висели засиженные мухами плакаты Госстраха, планшет с выпученными от времени фотографиями киноартистов и где держалась такая тишина,

что, когда Вдовин делал паузу, слышно было поклохтывание кур под окном. Он казался себе сначала солдатом какого-то неразличимого рода войск, скорее всего мотопехоты, где Вдовин служил водителем БМП*, потом вдруг сразу увидел себя пограничником, о котором мечтал Гаврилин, и за спиной его зашевелилась Страна. Витёля был на передовой, но перед ним сидели не враги, а всего лишь недопонимающие люди, которых надо было убедить, и Вдовин со страстью делал это, всё больше влюбляясь в лица перед собой, нежняя к ним до спазмов в горле. Наконец, примеры кончились.

— Вопросы ещё?

— Есть! — крикнул светловолосый кудрявый парень, ёрзая на табуретке. Вокруг него уже встали, загомонили. — В следующий раз подробнее о Горбачёве и Ельцине. Кто они друг другу?

— Следующего раза не будет, — громко сказал кто-то. — Прибьют.

Витёля погладил “краба” на фуражке и подмигнул синим глазом.

— Будет! Шоветую в это поверить.

В избе стало тихо, и многие, глянув на инспектора, поняли, что этот плотненький, невысокий мужчина с распухшими губами — человек опасный.

* * *

Утром Вдовин накачал резинку и тронулся по течению. За первым же поворотом он хотел пристать, вернуться тайком в деревню и денёк-другой выждать. Но потом решил, что селенье первое время будет настороже и караулить нет смысла. Он поплыл вниз, иногда подрабатывая вёслами, чтобы держаться на середине. Как многие реки Кольского полуострова, эта река была могучей и стремительной. В суровых, незаселённых верховьях ревели частые пороги, но чем ниже, тем реже встречались они. Последним на этой реке был тот, у которого Федотов оставил Вдовина. Витёля время от времени опускал в холодную воду руку, прикладывая её к губам и раздумывая, как приспособиться перетаскивать моторку через порог. В эту, отгороженную естественной преградой и потому недоступную деревню, он решил наведываться регулярно и неожиданно.

Река быстро несла лёгкую резиновую лодку. Расстояние, которое Вдовин недавно одолевал часами, лодка проходила за минуты. Она обгоняла деревья, рухнувшие в воду где-то в верховьях, истерзанные о пороги стволы. Берега почти всё время были скалистые. Только местами к воде спускался лес или проплывала, вся в цветах, полянка. На одной Вдовин заметил какой-то тёмный ком. Он безразлично глянул на него, решив, что это камень, но вдруг “ком” зашевелился, и всего в нескольких десятках метров на берегу встал медведь. Было тихо. Только слышалось слабое струенье быстрой воды. Зверь и человек, не шевелясь, проводили друг друга взглядами. Инспектор настроенно, медведь спокойно, видимо, приняв лодку за плывущее дерево.

Когда полянку скрыли скалы, Витёля облегчённо снял фуражку, поднял лицо на солнце. Губы совсем перестали болеть, лицу было тепло, а по-над самой водой держалась прохлада.

Примерно через час Вдовин различил какой-то неясный шум. Он встрепенулся, глянул по сторонам. Его несло теперь быстрее. “Падун**”, — сообразил Витёля.

С каждой минутой гул водопада становился всё более грозным. Скалы берега начали сдавливать реку, словно стремясь сомкнуться. Лес наверху стал неразличимой тёмной стеной. Витёля быстро заработал вёслами, выгребая к левому берегу. Там из воды громоздились валуны, зато возле самых скал не было уступа, через который по всей реке низвергался поток. Но лодку стремительно понесло прямо на водопад. В какой-нибудь сотне метров впереди вдруг вздыбилось плывущее дерево, как будто кто решил посадить его среди реки. Мгновенье оно стояло прямо и сразу же исчезло в грохоте.

* БМП — боевая машина пехоты.

** Падун — водопад.

Встало торчмя бревно и, сверкнув на солнце мокрым боком, кануло в пучину. Витёля похолодел. Грохот был уже так близко, что на лице почувствовалась водяная пыль. Изо всех сил он грёб к валунам, среди которых тоже бурлила и пенилась вода. В последних метрах перед водопадом лодка вырвалась, наконец, из могучего потока и оказалась среди больших округлых камней, но неожиданно резиновое дно её вспучило, словно под него подсунули огромный кулак. Течение тут же задрало борт севшей на камень лодки. Витёля молниеносно сдёрнул сапоги и выпрыгнул в мелкую воду. Поток смыл облегчённую лодку, Вдовин бросился в неё, лавируя вёслами среди камней. На берегу мелькнуло чёрное пятно от костра, возле которого инспектор следил несколько дней назад за сёмгой, и лодку вынесло на спокойный плёс. “Т-тут п-придётся п-пора-б-ботать”, — дрожа от холодных ног и пережитого, пробормотал Витёля. Однако он теперь знал, где можно перетащить моторку.

Грохот падающей воды быстро удалялся. Река становилась шире; скалистые берега после водопада перешли в пологие, течение стало медленнее, и Витёля начал высматривать место, чтобы пристать и высушиться. Но лес пока шёл сплошной стеной, а небольшие полянки у воды не нравились.

Вдруг на правом берегу лес оборвался, и Вдовин увидел заросший травой косогор. На вершине его стояла избушка. “Это что такое?” — оторопел Витёля. С Федотовым они никакой избушки не видели. Лодку поднесло ближе, и Витёля вспомнил. Направляясь к порогу, они держались противоположного берега, а тот, где стояла избушка, скрадывал лёгкий туманец.

Однако не успел Вдовин обрадоваться столь неожиданной находке, как заметил возле избушки дым костра. Мгновенно в нём проснулся Инспектор. Витёля подгрёб к берегу. Высокая трава подходила к самой воде и скрывала его от избушки. Он вытащил лодку, прячась в траве, полез наверх. Когда до костра оставалось несколько метров, Витёля вскочил, заранее торжествуя, что застал браконьеров врасплох. Но перед ним никого не было. А в стороне от избушки взмахивала косою рослая женщина.

— Х-ху! — растерянно воскликнул Вдовин. Женщина резко обернулась, и Вдовин узнал бригадишу, из дома которой звонил Федотов.

— Ой, напугали меня! Почудилось: медведь.

— Говорящий, — с холодком приподнял “краба” Витёля.

Она засмеялась, узнав рыбинспектора. Подошла, вытирая концом белого платка раскрасневшееся лицо. Женщина была красива — это Вдовин заметил ещё в тот раз. Но в избе взгляд у неё был скорбный и углы губ опущены, как при долгой затаённой печали. Теперь бригадиша смотрела весело, открыто.

— Здесь мало кто бывает, — сказала она, отмахиваясь от комаров. — Бросили тону — старая. Мишкино самое жильё. А я вот другой год эту бережину* кошу. Не муха б да не комарь, совсем тут хорошо. Они, прокляты, таки кусачкие.

Вдовин сел у костра, стал разуваться.

— И мужики сюда ездят?

Его это интересовало на будущее.

— Да нет! Мужики теперь ленивые. Поймать рыбу можно спроть деревни — зачем реку ломать?

— Доло-о-вятца они у меня! — натужился Витёля. — От! Ёлки... Прилипли!

— Вам надо и носки снять, — сказала бригадиша, видя, как от вдовинских ног, которые он поднял над костром, идёт пар.

— Лучше другое! — вскочил Витёля. — Растирание. Внутрь.

Он сбегал в носках к лодке, принёс рюкзак. Достал фляжку с водкой. Женщина сняла с перекладки котелок, порезала Витёлин хлеб и свежесоленную сёмгу, конфискованную им за разбитые губы.

— Со встречей, — поднял кружку Вдовин. Он вспомнил, что в тот раз не назвался. — Виктор.

Женщина мягко улыбнулась:

* Бережина — прибрежный луг.

— Анна.

Поев, Вдовин упал в траву подальше от костра. Тёплое солнце стояло высоко, слепило глаза. Где-то, невидимый, гудел шмель, да нудно тянули комары. Витёля закрыл фуражкой лицо. Через некоторое время пробубнил из травы:

— Этим делом надо мужику заниматься — корма-т возить.

Сказал он это без всякого интереса, занятый совсем другой мыслью. Ему вдруг захотелось как можно неожиданнее нагрянуть в верховую стрельниковскую бригаду: прижать одноглазого. Но тут Витёля вспомнил реку, её могучее течение в этом месте и, поражённый, сел.

— Деревня скольк отсюда?

— Километра четыре.

— И всё на вёслах?

Анна бросила в пустой котелок ложку, Витёлину кружку.

— Спроть воды немного тяжело. Зато домой быстро. И сено-та здесь хорошее. Па-ахнет! Муж приезжает — враз охапку в избу. Сгучает в море без земного запаха.

Она прошла мимо Вдовина к реке. Высокая трава прибывала подол платья, и под тканью чётко вырисовывались крепкие бедра. Платок Анна оставила у костра, тёмные волосы, волнистые от природы, были острижены довольно коротко, открывая сзади сильную шею. Витёля проводил взглядом её налитую здоровьем фигуру и снова упал в траву. Все женщины были, по его убеждению, только на личность разные, а нутром — на одно лицо. Едва ль не каждая считала себя обойдённой в жизни. Это у неё было не так, то — не эдак. И прежде всего — муж. Вдовин слышал такое сплошь и рядом. Разговор каждой новой подружки, хоть и немного их было за Витёлину жизнь, рано или поздно тоже сворачивал в промытое русло. У одной — муж много работает. У другой — много пьёт. У третьей ещё чего-то много, а чего надо — мало. Получалось, что каждой подружке с мужем не повезло, и будь иначе, не была бы она с Витёлей. Вдовин обижался за неизвестных мужчин, и чем дальше, тем отчуждённой относился к женщинам. Смотреть на них стал с холодной синевой, разговаривая, то и дело пронила губы. Но слова Анны неожиданно удивили его. В них ему показалась такая теплота к далёкому человеку, что Витёля беспокойно заёрзал. Услышав приближающийся шорох травы и звяканье вымытой посуды, с пробуждающимся интересом спросил:

— В море-т он где? У Стрельникова?

Одна колхозная бригада ловила рыбу у побережья, и Витёля некоторых помнил в лицо.

— Если бы! А то в Атлантике! — приостановилась Анна. — Весной как уедет в Мурманск, так до зимы. За месяцы от дома отвыкнет — еле отогрею. Давень* мне на ум пало: не случилось ли цево? Вестей давно нету.

Витёля сдвинул с глаз козырёк. Увидел снизу тугие груди, алые, не знающие помады, губы. Ревниво пробормотал:

— Катаются, черти... А тут... трава на корню переставляет.

Чтоб выполнить свой коварный план, ему надо было уже отчаливать. Но Вдовин ясно вдруг почувствовал, что ехать никуда не хочет. “Тэк-с. А кто нас там ждёт? — строго спросил он себя. Душа молчала. Душа внимательно прислушивалась к посвисту косы. — Тогда продляем жизнь пиратам одноглазого, — с волнением объявил себе Витёля. — Абордаж откладывается”.

Он дружинисто вскочил. “Временно, конечно!” И пошёл к Анне.

До вечера они косили напеременку. Анна работала легко. Под платьем волнились упругие мышцы, щёки порозовели. А Витёля то брал выше, то чиркал косой по земле. Быстро упарился, сбросил зелёную куртку и, если б не комары, готов был снять пропотевшую рубаху. Анна с любопытством следила за ним, время от времени показывала, как надо. Самолюбивый Витёля закусывал губы, но наукой овладевал быстро. Когда Вдовин прокошил клин до леса, женщина сказала:

— На сегодня хватит. Спасибо — помогли.

* Давень — недавно.

Глаза у Вдовина весело просинели:

— Спасибо не отделаешься! Молоком угостишь: заеду как-нибудь. Све-
кровь не злая?

Она ответила не сразу, некоторое время шли молча.

— Мы одне живём.

— Это ж с кем? С ребятишками?

Анна отвернулась:

— Нету у нас... робят. Одне мы.

Вдовин похмурил, тоже было замолк, но потом не выдержал:

— Извиняюсь за выраженье, совсем или... как?

Он имел в виду, может, были да что-нибудь случилось? Не дождавшись
ответа, глянул искоса на женщину. Лицо её стало скорбным, как тогда в из-
бе, уголки губ опустились.

— Ну, мне пора ехать, — нерешительно проговорил он, когда подошли
к остаткам костра. Сапоги, висевшие на палках, горловинами к теплу, вы-
сохли, нагрелись внутри. Вдовин косил в кедах и теперь мог переобуться.

— Проверю хоть к ночи реку. Самый раз... не ждут.

Сложив руки на груди, Анна следила, как инспектор переобувается.
За несколько дней Вдовин опал лицом, взгляд посуровел.

— Поестъ бы вам надо, — участливо сказала она. — Потом трогацца.

Вдовин и сам колебался. Он был уже полностью готов: застёгнут, под-
тянут. Но уходить к лодке не хотелось сильнее, чем днём. За несколько не-
дель Витёля встретил много разных людей. Ночевал с Федотовым в незна-
комых избах, их угощали, но он чувствовал: забота о нём настороженная,
и человек он для всех чужой.

Со всем другим уловил Вдовин в голосе Анны. Заботиться о ком-то, види-
мо, было для неё страстной необходимостью, и неудовлетворённая потребность
в этом заметно волновала женщину. Так сладкие соки жизни распирают и то-
мят достигшее наивысшей спелости яблоко, и кажется, самому яблоку страст-
но хочется, чтобы в него впились крепкие зубы. Витёля вдруг почувствовал,
что шагнул он сейчас от этой женщины — и что-то тонкое, напряжённо натя-
нутое оборванно звенькнет.

— В самом деле! — решил, наконец, Вдовин. — Чего это я голодным
волком кинусь?

А решившись, засуетился, снова начал разбрасывать рюкзак, выхватыв-
вал то одно, то другое, не зная, что надо в первую очередь. Анна раздула уг-
ли и повесила над огнём котелок.

Через некоторое время суп был готов. Во фляжке у Витёля осталась вод-
ка: выпивал он мало, в одиночку совсем не признавал питья. Налил женщи-
не, потом себе.

— Ну, чтоб муж не пропадал надолго.

А у самого почему-то в груди нехорошо стало.

— Ой, допропадаецца он у меня! — воскликнула Анна. — Возьму да
своих рыбаков организую. Запрещу, как власть, в Атлантику нанимацца.

Вдовин поднял голову от котелка. Анна то была близко, то снова удаля-
лась к человеку, которого он не знал, но которому уже явно завидовал.

— Нужна она тебе — эта власть. Вон на меня как глядят.

— У вас совсем другая. Безжалостная. Послали, небось?

Вдовин отрицательно мотнул головой:

— Нет, сам. Богатств наших жалко. Думаешь, сёмги у нас навалом?
Вон она идёт сейчас в реке — много её там? Штуки! Допустим, тыщи. Од-
нак не миллионы. Я тоже думал: много.

— А откуда ж узнали, цто мало? В реке смотрели? — насмешливо спро-
сила Анна. И тут увидела в западной стороне неба, у горизонта, сиренево-
красные полосы облаков.

— Ба-а. Красень*. Засиверка** подует — дожджово время*** пойдёт.

* Красень — краснеющая часть неба.

** Засиверка — северный ветер.

*** Дожджово время — дождливое время.

Витёля пригляделся.

— Не должно бы. Если красень с вечера, рыбаку бояцца нечего. Эт если красень поутру, рыбаку не по нутру. В случай чего — вон избушка-то. Спрячешьсяя.

— Траву жалко. А вы... всё-таки в ночь?

— Сама ж говоришь: ловят — не бояцца. Ну, я им половлю!

— Раньше не боялись. До вас. А теперь остерегацца стали. И злятца мужики. Говорят: вспыхливый вы.

— Ишь ты! Злятца. Они ещё не видали вспыльчивых. Им бы нашего старшего инспектора Гаврилина.

Витёля внезапно разгневался. Это на него ещё и злятся?! Он на них должен кобеля спустить, а им надо лежать и не отмахиваться. В какие времена появилась возможность посидеть спокойно с человеком, а вместо этого плыви куда-то стервецов ловить. Он посмотрел вслед уходящей к избушке женщине с таким пронзительным сожалением, что Анна вдруг обернулась.

— Вы... это... звали?

Она вся напряглась, ожидая. Вдовин приподнялся было навстречу ей, но тут представил, как от деревень отплывают лодки, и резко отрубил:

— Показалось.

Когда Анна ушла, Витёля посидел ещё у костра, пусто глядя на нервные пробеги жара по гаснущим углям. Потом затянул ремень с пистолетом, крепко надвинул фуражку и снова взялся за рюкзак.

Пока они с Анной сидели у костра, сиренево-красные полосы на горизонте заметно разбухли, потом в них медленно зашевелились тёмно-серые поверху и бруснично-алые снизу клубы.словно кто-то мощно дул на них с земли, и облака, бесшумно давя друг друга, меняя краски, расплзались по небу, пока не закрыли всю закатную сторону. Река внизу ещё некоторое время сталисто блестела, затем у тёмных берегов захолодели протяжины тумана. Стало свежо и на косогоре. Раздавленная сапогами трава запахла остуженно-сочно.

Вдовин последний раз глянул на избушку и спустился к реке. Густо потемневшие облака клубились теперь над самой головой. Витёля отыскал в траве деревянную лодку бригадирши, перевернул её вверх дном. Он ещё надеялся, что дождь пойдёт не скоро. Но тут по воде с шипом пробежали первые капли, затем всё стихло и, едва Вдовин подошёл к своей лодке, как с неба посеяло ровно и без перерывов. “Как бы заливень* не накрыл”, — подумал Витёля. Он скучно оглядел шуршащую реку. Ему не впервой было мокнуть, а потом отогреться возле скрадливого костерка под густыми, паутиными снизу елями. Однако теперь такая перспектива приостановила его. Навверху, невидимая отсюда, стояла избушка. Вдовин почти услышал, как шелестит по её крыше сеющий дождик, почувствовал, как обдаёт его сухая, сумеречная теплота, и, в непонятном волнении пнув мокрый борт лодки, воскликнул: “Отложим к чёрту... как он... Абордаж!”.

Избушка, подобно всем жилищам на тонях, была об одну комнату. Прямо с дождя Витёля шагнул в сухое тепло. Огляделся в сумраке единственного оконца и в нескольких шагах от себя, на топчане, увидел приподнявшееся белое плечо.

— Вы... вернулись?

Вдовин открыл рот, чтоб сообщить о дожде. Но, вдохнув пряность священной травы у порога, слабый запах пота от снятого платья, он уронил рюкзак и подломившейся походкой двинулся к белому пятну.

Часа через два дверь избушки снова отворилась. Бесшумно вышедший с рюкзаком Витёля придержал её, чтоб не стукнула, и, приблизив ухо к образовавшейся щели, вслушался. За дверью было тихо. Беззвучно дотаивала и кроткая белая ночь. Лишь возле вдовинского лица пронудел комар да с крыши в натёкшую лужицу цокнула дождевая капля. Дождь кончился, однако небо ещё было затянато матовой влажной пеленой. Но и она тоньчала на глазах, как будто кто усердно протирал забелённое известкой стекло.

* Заливень — проливной дождь.

Перламутровый свет быстро набирал силу, с каждым мгновением всё дальше к лесу различимы становились прокосы, мокрые ветви кустов. Витёля дозакрыл дверь, благостно улыбнулся и зашагал вниз к реке.

* * *

На верховой стрелниковский форпост он явился, как снег в июне. Часа полтора перед этим затаённо лежал в траве, ожидая, когда рыбаки выйдут проверять ловушку. Дождался, прилип к биноклю. И только увидев, что лодки с выбранной сёмгой повернули к берегу, прыгнул в свою резиновую.

Бригадир Заборщиков — пожилой, широколицый мужчина, увидев инспектора, изумился и хотел было принять меры: выкинуть в воду часть рыбы. Но, глянув на распухшее от комариных укусов Витёлино лицо, багровые оттопыренные уши, понял, что Вдовин видел всё как есть.

— Верно говорят: глаз дёрьгат — на ветреного* гостя глядеть, — заметил он. — Давень аж слеза текла...

— Ещё наплачешься, — сумрачно проскрипел Витёля, почёсывая зудящие вздутости на шее и на щеках. — С чего начнём, дорогой товарищ? Считать сёмгов будем, а может враз за протокол?

— Цево-тако шшитать сёмгов? — взвился проходящий мимо небритый молодой тонщик**. Он легко нёс от лодки большую корзину с оглушенной рыбой. — Половина ей в реке, половина-ти, — в анбаре, — продолжал парень, открыв в озорном оскале белые мелкие зубы и вдруг совсем не зло подмигнул Вдовину. — Дядька Савва порядок-от ведает.

— Не бузи, Николай, — остановил Заборщиков и сдержанно проговорил Вдовину:

— Как знаешь, инспектор. Но рыбку-то красную, рыбку енту вон, сёмжку — не себе беру и не для жонки хороню-от.

Витёля пересчитал улов, составил протокол. Попалось больше сотни рыбин.

Часть сёмги была крупной: начинался ход “чёрной рыбы”. Но большинство попало “тинды”***.

Теперь Заборщикову надо было столько же рыбы пропустить через ловушки. Однако легко сказать: пропустить. Людей на тоне против недавнего времени сильно поубавилось. Из всех бригад где одного-двоих, а где сразу нескольких вырвали на сенокос. Короткое северное лето покатилося под гору, и Стрельников торопился ухватить там и тут. Перед Витёлиным появлением троих рыбаков сняли и с тони Заборщикова. Чтобы помочь оставшимся, Вдовин стал выходить с ними проверять сети, работал наравне с тонщиками колотушкой, вымокая каждый раз с головы до резиновых сапог от яростных брызг, которые поднимала беснующаяся в ячеистой западне сёмга.

Но рыба неизвестно отчего стала идти хуже. А Вдовин, несмотря ни на что, неутомимо приказывал большую часть её выпускать, пока не сравняется счёт. Мотодора рыбоприёмного пункта, забрав на следующий день после появления инспектора на тоне скудный груз, больше не появлялась.

Первое время степенный и покладистый Заборщиков терпеливо выносил вдовинскую помощь. На четвёртые сутки утром, поплескав в чашке парящую уху, заметил разливающей на другом конце стола поварихе:

— Цёт ты нас, матушка, закармила ущой. Обнови-ти никакой нету.

— Подбери, Савватий Андреич, разносолы-от. Которы Дерябин завёз — подобрали. Крупки осталось — мышь на хвосте унесёт. Одне досевки****. С выходного, сказывал, будет Дерябин, а ныне какой, гляди-ка, день?

* Ветренный гость — приезжий человек (поморск.).

** Тонщик — рыбак на тоне.

*** В зависимости от времени захода сёмги в реки различают: залёдку — крупную рыбу весеннего хода; тинду (или межень) — сравнительно мелкую сёмгу, которая идёт в середине лета; “медянку” (цвет) — сёмгу более позднего времени и больших размеров, и, наконец, “покровку” (идёт на Покров). Последняя — наиболее крупная, идёт в реки с середины августа до октября. Нерестится только следующей осенью.

**** Досевки — остатки от просеянной муки.

Заборщикова снял с шеи красный платок, защищающий от комаров, вытер вспотевшее широкое лицо. Сказал задумчиво, глядя мимо Вдовина.

— Да оно и правда — разве мог Дерябин расхлебывать, што у нас работников прибавитца. Теперь заказывай на Виктор Николаича тож. До Ильина дня*, глянется мне, поживут оне у нас. А, Виктор Николаич?

— До Ильина иль нет, — уклончиво сказал Вдовин, не зная, когда этот день, — а побыть ещё придётся.

Инспектор уловил намёк на затянувшееся присутствие в бригаде и даже обиделся. В конце концов он мог бы и не помогать рыбакам. Сидел себе на берегу — ноги туркой — и в бинокль контролировал пропорцию пойманной и выпущенной сёмги. А он упирался наравне со всеми.

— Сам виноватый, Савватий Андреич. Скажи: легко отделался. Уважаю я тебя. Которы воевали — фронтовиков — уважаю.

Витёлю знал, что Заборщикова парнем захватил последний год войны, был ранен в спину и, несмотря на 65 лет, оставался председательской надеждой.

— В другой раз — во будет! — и Вдовин быстро показал решётку из пальцев.

Через два дня после разговора за ухой счёт сравнялся. Но зато в уловах Заборщикова безнадежно отстал. А главное, обстановка не сулила ничего хорошего. В последний раз поймали двенадцать сёмг. Шесть — рыбаки выпустили. Шесть привезли на дне корзины.

— Цавой-то поход ейный истошшал, — озабоченно и со злом проговорил Заборщикова, уставясь в корзину, которую Николай, ещё более заросший светлой щетиной, поставил на берегу. Все четверо тонщиков, Вдовин — пятый, обступили корзину. Молчали, глядя на скудный улов.

— Эх, бяда, — бросил один из мужиков — худой, морщинистый, с лицом, искусанным комарами.

— Бяда — не ягода. Не сжуёшь, не выплюнешь, — сказал Николай. — Пускай нам инспектор подсоветует, чем детишков будем-ти кормить.

Его взгляд встретился со вдовинским. На обычную весёлую озорноватость и намёка не было в холодных глазах небритого тонщика.

— Инспектор здесь ни с какого боку, — дипломатично вступился Заборщикова. — Санятка Мезин — вот он, похожа, за всех отдуваетца. Порато** берёт сёмужки.

Витёлю будто молнией прошибло. Как же он не догадался, почему на верховой тоне стало попадать совсем мало рыбы. Мезин — этот коротконогий пират, узнав от моториста рыбоприёмной доры, что инспектор сидит у Заборщикова, видимо, наглухо перекрыл реку ниже по течению.

— Ну, Савватий Андреич, погостил я у тебя, — торопливо сказал Вдовин, — и хватит.

В один момент он сбегал в избу, вернулся уже с рюкзаком, с наганом на боку.

— С природой ты рассчитался, — быстро говорил Витёлю, сталкивая резиновую лодку в воду. — С инспекцией то же.

Он похлопал по рюкзаку, где лежал Люськин портфельчик с протоколами.

— Но глядите у меня, робяты! — вдруг выпрямился Витёлю. — Нагряну в любой миг. В случай чего — жалуйтесь Богу.

Когда он отплыл от тони, среднего роста немолодой тонщик, с лицом, кое-где заляпанным чешуёй, сказал бригадиру:

— Кольку б надо послать — да лошади нету. Мезина упредить.

— Незацем, — спокойно ответил Заборщикова. — Там, глянетца мне, Санятка выставил кого надо.

* * *

На мезинской тоне, к удивлению Вдовина, всё оказалось в порядке. Напрасно он снова прятался в высокой траве, страдал от комаров, неотрывно следя в бинокль, как рыбаки проверяют ловушку. “Десять... двенадцать...” —

* Ильин день — 2 августа.

** Порато — много (поморск.).

считал про себя Вдовин выпускаемую сёмгу. Он ясно видел не только лица мужиков: напряжённые, смеющиеся, мокрые, но и фонтаны брызг, которые взбивали перебрасываемые через сети серебристые рыбины.

Когда люди вернулись на берег, тронулся к тоне и Витёля. Осмотрел свежий улов. Взято было столько, сколько Вдовин насчитал в бинокль выпущенных рыб.

— Чисто работаешь, Мезин, — с усмешкой заметил инспектор. — Ну-к, покажи накладные.

Полистал бумажки, сосредоточенно изучая уловы прежних дней. На рыбоприёмный пункт сёмги отсылалось намного больше.

— А сегодня чего так мало?

— А кто её знает, — пожал плечами Мезин, морщась от дыма сигареты. — Видать, у межени поход кончайтца.

— Странная тут у вас рыба, — сказал Вдовин. — Очень даже странная. Иль хитрая? Как думаешь?

— Не скажи, — подхватил Мезин. — Ты с ей только начал заниматься — и то обратил внимание. А мы — от уже удивляцца перестали. То, как бы сказать, дуром валит — роецца, роецца, потом — глядь: нету.

— А может, не рыба, а ты хитрый? — перебил Вдовин. Он сузил враз посиневшие глаза. — Не ходи по ножу, Мезин. Склизнёшь — и ваших нету.

Сдвинул “краба” на бочок, поправил ремень с пистолетом и пошёл к лодке. Не доходя до неё, обернулся:

— Эт я ни к чему конкретному. К слову, извиняюсь за выраженье. Понял?

— Цево ж не понять, — после некоторого молчания сказал Мезин. — Понял... Цем дед бабку донял.

Выплюнул сигаретку в реку, последил, как понесло её течением, и засмеялся:

— Тольк деду от этого один убыток вышел. Но ты не обращай внимания. Я тоже, к слову.

* * *

Оставив рюкзак в избе у Мефодьевны, Вдовин с портфельчиком направился к Стрельникову. Отворил дверь в кабинет и остолбенел. Возле председательского стола сидел Гаврилин.

— Входи, входи, Виктор Николаич! — энергично замахал рукой старший инспектор. — Мы с Валерием Ивановичем уже наговорились, пока тебя не было.

— Коли б не такие дела, Альберт Петрович — жить можно, — сказал председатель, продолжая ранее начатый разговор и одновременно пожимая Вдовину руку. — Вон-ти красота какая, — кивнул он в сторону окна, выходящего на реку. — Туристы к нам сповадились; тут церквушка есть: старая-престарая. При Алексей Михалыче — царе, говорят-от старики, рубили церкву этую.

— Скоро одна церковь и останется, — негромко сказал Витёля, снимая фуражку. Стрельников вперил в него зелёный глаз, начал багроветь.

— Эт почему же?

Вдовин достал из портфеля протокол на Заборщикова, подал старшему инспектору. Тот быстро забегал глазами по строчкам, сразу помрачнел, на скулах выдавились желваки. Кончил читать, молча передал бумагу председателю.

— А говорите, на тонях порядок, — отчуждённо произнёс Гаврилин. — Кого мы обманываем? Народ?

— Ну, уж народ, Альберт Петрович, — возразил Стрельников. — В других местах — газеты почитаешь — не такое-от делают.

— Какое не такое! — повысил голос Гаврилин. — А кто делает, если не такие же. Страну разрушают!

Вдруг губы его посинели, глаза округлились, словно их ожгла изнутри внезапная боль.

— Браконьёр! — крикнул старший инспектор. — Надоело свободным воздухом дышать?

Стрельников побледнел. Светлые брови слились с цветом кожи, и безбровое одноглазое лицо стало похоже на маску, в которой одновременно смешались испуг, недоумение и горечь. Глядя на него, Витёля вдруг впервые почувствовал себя очень неудобно. На миг показалось, что председательское страдание пронзило и его.

— Надо ихнее руководство за бока брать, — поспешно проскрипел он, отводя взгляд в сторону. — Которое план устанавливает. Всё им мало сёмги.

И вспомнив слова Федотова, добавил:

— В рамку его в такую засунули.

— В какую ещё рамку? — не понял Гаврилин, приходя в себя. — При чём тут какая-то рамка?

Черты худощавого смуглого лица уже разгладились, но взгляд оставался сурово-жёстким да ноздри тонкого носа всё ещё подрагивали, напоминая о прокатившейся буре.

— Нечего здесь церемониться. Не дети. Знают, что творят. Прокурору надо дело передавать.

Выйдя из конторы, Вдовин с Гаврилиным некоторое время шли берегом реки. Шли молча. Витёля притихший, несколько напуганный суровостью начальника, стеснялся заговорить первым. Старший инспектор глядел на простор реки, в текучих водах которой отражались рельефно высвеченные закатом облака, на плывущую сверху лодку и думал о чём-то таком, что заставляло его то хмурить брови, то шевелить губами, словно продолжать в мыслях какой-то разговор. Вдруг с лодки донёсся крик: “У-е-нем пее-да-ам О-орщиков!” Гаврилин очнулся, подался вперёд, видимо, пытаясь разобрать слова. Ничего не поняв, смущённо улыбнулся.

— Никак не привыкну к здешней речи. В городе вроде всё ясно, а на побережье выедешь — иностранец иностранцем. Чего вот он кричит? Просто так что ль орёт?

— Кричит, что утреном передаст что-то Заборщикову, — сказал Витёля. — Наверно этот, — Вдовин показал на высокого мужчину в светлой кепке, стоящего на берегу и размахивающего руками, — велит Заборщикову что-то сделать. Может, людей дать на сенокос.

— Чёрт-те что. Один русский народ, а совсем ведь разный. Утреном... Утром что ль?

Витёля кивнул. Он сам первые дни чувствовал себя здесь человеком, который пытается вспомнить что-то знакомое, быстро вылавливает *это* из глубин памяти и, радостно узнавая оживающее, никак не может понять: то ли из сна оно давнишнее, то ли из яви, настолько забытой, что её трудно отнести к собственной жизни. Город, где Витёля вырос, получил название от старинного поморского села. Столетиями село жило обособленно, пока в первую мировую войну в нескольких километрах от него не построили станцию железной дороги. Станция пробила первую брешь в обособленности поморского быта и языка. Рыбаки с карбасов пересели на паровозы; в извечные запахи моря, водорослей и мокрых сетей вошли совсем другие: запахи машинного масла, мазутных спецовок.

А станция не только пропускала поезда. Она высаживала новых людей, и чем дальше, тем больше. Разноплеменный люд строил дома, порт, заводы, и через несколько десятилетий от поморского села осталось небольшое количество бревенчатых изб, прижатых к самому заливу разросшимся городом. В поморском разговоре наравне со своими “лудами”, “каргами” и “наволоками” зазвучало много пришлых слов, которые, особенно для молодёжи, работающей на заводах и железной дороге, становились более привычными, чем отцовские. В новых семьях характерный быстрый говор поморов то и дело пронизывала невечность украинского, “гаканье” южнорусского, “цоканье” вологодского наречий. “Мы вологдчане — те ээ англицане. Только наречия другая”, — посмеивались поморы над вологодцами, как будто сами в некоторых селениях не “цокали”, как будто к ним это самое “цоканье” не пришло давным-давно из Предсеверной Руси и, перемешавшись с новгородским,

псковским говорами, не образовало своеобразный поморский язык. Однако не только в городе, но и в поморских селеньях его, чем дальше, тем быстрее, размывали волны других славянских наречий и, прежде всего — общерусского языка. Школы, газеты, радио, а затем — телевидение широким фронтом наступали на “поморську говóрю”. Поэтому даже пожилые люди, постоянно слыша общерусский язык, стали невольно уходить от прежних слов и менять старое произношение на новую речь. Уж на что традиционной была замена в говóре буквы “ч” на “ц” (“цасы” вместо “часы”), или неперменное двойное “ш” вместо “щ” (“вешши” вместо “вещи”), но и это соблюдалось уже далеко не всегда. Однако стоило кому-нибудь из молодых оказаться хотя бы на некоторое время в стремительном потоке “поморской говóри”, как голос отчего языка, словно звон далёкого колокола, будил в памяти полузабытые образы и понятия.

— Сговориться с мужиками с этими, извиняюсь за выражение, можно, — скосив синий глаз, сказал Вдовин. Старший инспектор загораживал плывущую лодку, а Витёле не понравилось, что человек тронулся из села на ночь глядя. Он подвышагнул чуть вперёд, стараясь незаметно для Гаврилина разглядеть далёкого гребца. — Сговориться — не сложно, если одни и те же дела одинаково понимать. А то мы об одном и том же по-разному толкуем. Как это — стоять у воды и не напиться, если во рту пересохло?

Он замолчал, думая о том, что неправильно кое-что делается. Сёмгу, конечно, надо беречь, но людям, которые возле неё живут, надо давать ловить на пропитание. Не на продажу, нет, а то некоторые базар открывают — вот за это спрашивать нужно, а на еду — пусть ловят. Но как отличить одного от другого — этого Витёля не знал и тяжело вздохнул.

— Устал? — спокойно спросил старший инспектор.

— Да как уставать чего? Порядок, понимаю, надо навести, а это всегда трудновато. Катиться под гору легче, чем санки на гору тащить.

— Правильно. Разболталось всё в стране. А власть не понимает... Горбачёв этот... Угробит страну... Про демократию талдычит, а не понимает, куда дело идёт.

— Мне тут один говорил, — сказал Витёля, — демократом себя определил... Законы, говорит, нынешние, надо порушить. От них все беды идут. И тогда заживём, как в раю.

— Я догадываюсь, кто так говорил, — произнёс Гаврилин. — Федотов. Витёля промолчал, не желая выдавать бывшего напарника.

— Это глупый человек говорил, Виктор Николаич. Среди демократов много таких. Наивных до глупости. Никогда на земле не было, нет и не будет государства без законов. Законы — это как обручи у бочки. Сбрось обручи, сломай их — и развалится бочка. Также и государство. И в древние времена, и позднее, и сейчас люди сплачивают государство законами. Можно не соглашаться с тем, кто их устанавливает — маленькая группа властителей: фараоны, цезари, короли или большие собрания представителей народа, но без законов жить нельзя. Вот сейчас объявили: Россия не подчиняется законам Союза. И что началось? Бардак. А страдают от него простые люди. Или прибалты заявили: мы выходим из Союза. Но ведь есть закон на этот случай! Они на него плюнули — Горбачёв разрешил плюнуть, и всё: государство разваливается.

А те, кто называют себя демократами... вроде нашего Федотова... они же, как дети, которые попали в мастерскую взрослых. Столько инструментов, столько возможностей. Вон молоток... вон отвёртка... а вон что-то незнакомое. Возьмут, включают — и пожар устроят. А то ещё хуже: руки-ноги себе оторвут. По детской-то наивности...

Нужно вносить изменения в жизнь. Можно и законы менять. Но не кувалдой крушить! Законы — это обручи государства, — жёстко повторил Гаврилин. — Поэтому мы хотя бы на своём месте должны их сохранять.

* Луда — небольшой, без всякой растительности каменистый островок.

** Карга — каменистый мыс.

*** Наволок — песчаная коса.

В это время стоявший на берегу мужчина в светлой кепке направился к селу. Увидел идущих людей, притенил рукой глаза от солнца и даже ускори́л шаг, как человек, которого заинтересовала предстоящая встреча.

— Привет рыбьей охране! — весело крикнул он и приподнял белую кепку, когда Гаврилин с Витёлей приблизились. — Нашему инспектору подмога прибыла?

Схватив взглядом сухое, тщательно выбритое лицо Гаврилина, форменную фуражку, которая, судя по виду, больше висела в кабинете, чем бывала под солнцем и дождём, незаношенный в переездах китель и, сравнив это с пропотевшей курткой Вдовина, его тусклым “крабом” над потерявшим блеск козырьком, воскликнул:

— Оо, да не подмога-ти нагрянула! Жалко, жалко: такой хороший человек — наш инспектор. Нашалил це́ ли, Виктор Николаич? Вы его не ругай, нацальник. Инспектора у нас все любят. Уважают. По всем тоням об его здоровья молотца, — быстро говорил мужчина, присаживая на чёрные волосы кепку и улыбаясь с какой-то хищноватой радостью. — Только молитца негде. Дак один человек — инспектор знает его — Дерябин Иван Зосимович — предлагает церкву заново открыть. Всё одно пустая. Ну, счастливо оставаться, товаришшы. Если нацальству нет где пожить, давай ко мне, Виктор Николаич.

— Спасибо, найдём, — сухо сказал Гаврилин. Когда мужчина отошёл, спросил у Вдовина:

— Что за клоун? Кто такой?

— Мошников.

— Мошников, Мошников, — сдвинул брови старший инспектор. Фамилия ему показалась знакомой. — Не о нём ли мне писали весной? Я ещё Карнаухова спрашивал.

— О нём, наверно, — кивнул Вдовин. — Хотя прав был Карнаухов: их тут действительно много. Что Мошниковых, что Заборщиковых... Этот — Мошников. Участковый милиционер — Мошников. Хозяйка моя, где квартирую — тоже Мошникова. Не то однофамильцы, не то одна родня. Я этого Серёгу Мошникова при Федотове жиганул штрафом. Пока не попадается. Но разговоры доходят: не бросил игрушки с законом. Надо же, как людей разболтала поблажка.

— Да-а, брат... Тут кругом свои. Одни мы, Виктор Николаич, чужие. Ты хоть и свой, но рука карающая. Это ещё хуже. А я совсем инопланетянин. Южный человек, чужак. Ну, да ладно. Побольше бы таких, как ты, и был бы на нашей земле полный порядок. Я ведь зачем к тебе приехал? Ведомственная проверка. Всех объезжаю.

Они подошли к избе, где квартировал Вдовин во время редких наездов в село.

— Хозяйка-то как, молодая? — с улыбкой спросил Гаврилин, останавливаясь у порога.

— Была, — засмеялся Вдовин. — Полвека назад.

— Нет, нет, я не буду заходить. Моторист в лодке заждался. Напоследок хочу тебя предупредить, Виктор Николаич. Звонки начались. Даже сверху. Будь осторожен. Расшевелил ты осиное гнездо. Похоже, хвост прижал, а голове стало больно.

* * *

— Потерпевший Мошников! Что вы можете сказать суду о выстрелах на реке?

В первом ряду поднялся тот самый высокий черноволосый мужчина, которого Гаврилин встретил во время поездки к Вдовину. Был он как-то поособому красив, если бы в этой красоте не настораживала хищноватость: нос с горбинкой смахивал на клон, брови чёрные, по-тетеревиному гнутые, на скулах, когда он ими играл, выступал злой румянец. По случаю суда Мошников надел дорогой костюм — по синему полю редкие белые полоски, который хорошо сидел на его сильной фигуре.

— Я чего могу сказать, товарищи судьи... Сначала что ль о себе? Я Мошников Сергей Александрович. Работаю в колхозе — вон у товарища Стрельникова. Как я работаю, можете у него спросить...

Сидящий на том же ряду председатель одобительно кивнул. Перед этим, в качестве свидетеля, он поянял суду, что ему известно о странном происшествии на реке, и вроде не специально коснулся личности потерпевшего. Трудяга Сергей, действительно, был отменный. Он тракторист, шофёр, спец по всяким моторам. Одно время был механиком на ферме. И везде работает хватко. Чёрную волну из-под кепки выпустит, серые навывкате глаза посмеиваются. Но вперитесь в них кто, и сразу взгляд отводит: такая холодная беспощадность в их глубине, что не приведи Бог на узкой дорожке с Серёгой встретиться. “Драку́н* он и есть дракун, — отмахивались односельчане, услышав, что Сергей Мошников опять с кем-то затеял драку или ссору. — Мушшина виднай, а дракун. Загрызёт, коль не по ево”. Много лет назад сцепились Мошников и Мезин, тогда ещё в робятах, за селом, над рекой. Коротконогий Мезин достал снизу высокого Серёгу по сопатке, брызнула у того кровь. Мошников побелел, закружил возле противника, ища взглядом что-нибудь на земле. На глаза попалась, старая, обточенная временем коровья кость — острая, как кинжал. Мезин не успел шага в сторону сделать, рухнул на колени, зажимая окровавленный бок. Похоже, эта злость распаяла Серёгу и в работе, за которую, как начал докладывать Мошников суду, его неоднократно премировали в колхозе. Однако трудовая Серёгина доблесть почему-то не заинтересовала суд. Нетерпеливым взмахом руки судья остановил Мошникова:

— Это потом, потом. Если понадобится. А сейчас ближе к делу. Что вы скажете о выстрелах на реке? Вопрос вам ясен?

Мошников кивнул. Вопрос был для него, с одной стороны, ясный. Однако в происшедшем, как тогда, так и теперь, кое-что для Серёги оставалось абсолютно тёмным.

Той белой ночью, в самую её тишь и глухоту, Мошников собрался на промысел. Такая пора, когда село залито тихим застывшим светом и лишь изредка взбрёхивают, цепляя остатки сна, собаки, когда за несколько дворов слышно буханье надетых на босу ногу сапог вышедшего по нужде мужика, всегда волновала Сергея. В сумерках сеней он наощупь брал приготовленную с вечера снасть, деревянную колотушку, и рысистым шагом шёл к реке. Промысла своего Мошников особо не таил. Многие мужики прилавливали сёмгу во время “хода”. Конечно, не так, как он — для продажи в районе, однако для себя — не стеснялись.

Но последние месяцы вынудили Мошникова быть осторожнее. Новый инспектор смерчем двинулся по реке. Штрафовал, уничтожал снасти, в карнауховский сарай свозил отобранные моторы. Потом разнёсся слух: несколько человек из разных селений загремели под суд. Когда Вдовин с Федотовым оштрафовали Мошникова, тот натянуто улыбнулся:

— Вы б для первости предупредили. Полсотни на дороге не валяются.

— Сейчас вот так, — кивнул Вдовин на протокол, — а будет вот так.

И показал решётку из пальцев.

— Предупреждает тебя пусть жена, — Витёля скрипуче заблеял, — когда у подружки задержишься. А нам ты гусь известный.

Пухлое лицо его вдруг окаменело, и Вдовин с яростью проговорил:

— Я т-тебе не Карнаухов. Не научила мамка, дак научит лямка.

— Намёк понял, — весело сказал Мошников. — Узкая стала наша река.

И подмигнул холодеющим глазом.

С того дня он стал выходить на промысел только когда узнавал, что Вдовин сплыл вниз. Против течения без мотора подниматься трудно, а гул инспекторской лодки скоро во всех селеньях научились различать среди множества других моторов. Накануне вечером, отдувая в ложке горячую уху, Мошников спросил у жены:

— Законник не сплывал?

* Дракун — драчливый, задиристый человек.

Три дня он косил на тракторе возле дальних озёр. Трава стояла высокая, сочная; Серёга умотал помощников, не давая отдохнуть до самой поздней зари. Когда всё кончили, он проверил сетки, поставленные рядом в озере, раздал людям рыбу, взяв несколько килограммов и себе.

— Не видела. Только мне и забот — твой законник ушшупанный.

Серёга засмеялся. Жена и на видных-то мужиков не обращала внимания, а мелкорослый, полненький Вдовин ей с первого взгляда не понравился. Однако Мошников уже имел возможность убедиться, что этому вроде бы невзрачному человечку палец в рот не клади: отхватит всю руку. Выезжать на промысел, не зная, где инспектор, было опасно. Серёга накинул пиджак и пошёл к реке.

Десятка полтора лодок, вытасненные из воды, разнобоко лежали на берегу. Двое мужиков — приземистый, в расстёгнутой красной рубаше Андрей Захарович Красов и жилистый, сухой Николай Зуйков — вытаскивали ещё одну: красовскую. Серёга помог. Когда закурили, спросил про Вдовина.

— Внизу, — ответил Красов. — Цевой-то долго нет.

— Может, утоп, дал Бог, — бросил Зуйков, прыгая на одной ноге и стараясь второй попасть в штанину. Наконец, попал. — Хоть бы утоп, — зло усмехнулся он. Большой рот его растянуло от уха до уха, широкий утиный нос надвинулся на верхнюю губу. Ни дать, ни взять — утка, что ещё в зуйковом детстве подметили односельчане.

— Этот не утопнет, Утя, — раздумчиво сказал Мошников.

— Надо помочь. Пульку в ствол — и нету.

— Типун тебе, Утя, на язык, — недовольно одёрнул Красов. — Мусорный он, конечно, человек, но своё дело делает. Послали его на это. Серёгата, оно б сказать, есть за што на него пульку целить. А тебе?

— Мы оба с Серёгой его крестники. Олёшка Оленин — свояк — на стройке социализма задаром трудится и благодарит инспектора. Из-за проволки колочей.

— Это с верховы?

— Ну! Я слышал, и другие желают ему царствия небесного. Как, Серён?

— Желают. Может, где и мы встретимся. А ты б, Захарыч, переходил в доярки из рыбаков. Рассказывают, не даёт вам инспектор заработка?

— Всю жизнь хватало и теперь хватит. Их до конца-то — деньги — не огребёшь. Сколь надо-ти напечатают. А голова приделана для какой надобности? Кепку твою носить? Мы на тоне кой-кто собираем. Ныне герой, а завтра с дырой. Тебе-т, правда, один хрен. Ты у нас везде герой, пока не пымали. Идёшь домой, Утя? Иль будете пульку целить?

В середине белой ночи, когда дворами покати́лась переключка петухов, Мошников отлез от жены. Выпил на кухне молока и, быстро бодрей от захватывающей страсти, начал торопливо собираться.

Через некоторое время сдвинутую лодку подхватило течение. Подождав, чтобы снесло за поворот (поблизости от села Мошников стал опасаться ловить), он подрёб к берегу и развернул снасть: короткое удилище с толстой леской и блесной.

К тому времени, когда поднялось солнце, Мошников сплыл далеко от села. У него оставалось ещё одно место: за глубоко вдающимся в реку лесистым мысом. Дальше Мошников не спускался, потому что вскоре после мыса начинались дома другой деревни. Не полагаясь только на течение, Мошников усердно заработал вёслами. При свете дня блеснить было опасно. Могли тронуться рыбаки иль увидеть доярки: на краю деревни стояла ферма.

Обогнув далеко вдающийся в реку мыс, Мошников бросил рогастый якорь. Закурил, надвинул на глаза белую кепку, чтоб не слепило солнце. Пять серебристых рыбин лежало у него в лодке. Здесь он рассчитывал взять ещё пару, потом спрятать лодку и пешком вернуться домой. Серёга размахнулся, блесна чпокнула о воду. И, словно дожидаясь этого мгновенья, на противоположной стороне мыса грохнул выстрел. На реке за мысом вскрикнул какой-то знакомый голос, и тут же следом раздался ещё один выстрел.

— Значит, вы не подтверждаете слова подсудимого, что в него было два выстрела? — спросил судья. — Вы написали в заявлении, что он в вас стрелял, а подсудимый уверяет, что сначала стреляли в него. А уж потом он в вас...

— Может, и стрелял кто в него — я не слышал, — не моргнув глазом соврал Мошников. — Река у нас шумная.

— Садитесь. Подсудимый Вдовин, а какая необходимость была *вам* стрелять?

Витёля встал. Он ещё больше похудел, лицо обтянулось загорелой кожей. Но синие глаза смотрели неистово.

— Необходимость, извиняюсь за выраженье, охранять природу!

С первого ряда выбросил большой палец Гаврилин: молодец! Тут же повернулся к своим, что-то сказал им. На суд инспекция явилась полным составом, обособив целый угол. Ответ Вдовина вызвал там прибойный гул. Прокурор недовольно глянул в ту сторону, но промолчал.

— Хорошо, расскажите, как было дело, — попросил судья.

Витёля вздохнул. Ему уже надоело говорить одно и то же разным людям. Однако человек с отвислыми щеками и большими залысинами внимательно смотрел через очки.

— В то утро я проверял вторую бригаду товарища Стрельникова...

— Гражданина! — крикнул председатель.

— Ведите себя нормально! — одёрнул судья. — Иначе выведем из зала. Продолжайте, подсудимый.

— Дело в том, что за этим... как он там... гражданином! — во-от такой глаз нужен, — Витёля показал глаз с тарелку. — Два раза в последнее время он грубо нарушил установленные правила лова. Нарушил закон. Но выводов для себя не сделал. Вернее, сделал выводы обратные. Рыбаки стали безобразничать скрытно, как шпионы. Поэтому я решил совсем тайно проверить его бригады и поплыл сверху только ночами...

Мошников от удивления открыл рот. Как же законник попал в верховья? Но Вдовин, действительно, спускался сверху.

В последнее время он заметил некоторые странности в делах колхоза. Вывод сёмги шёл с непонятными провалами. День за днём какая-нибудь бригада брала постоянное количество рыбы. Потом вдруг — раз — и наполовину меньше. Витёля сопоставил, что к чему, и, поражённый, понял: его визиты в бригады не являются неожиданностью. Они приходились как раз на дни половинных уловов. А это означало, что за всеми его передвижениями внимательно следят, на каждой тоне знают, когда нагрянет инспектор, и поэтому часть ловушек снимают, оставляя, сколько разрешено. Как это делалось, Витёля не знал, но, видимо, каждый раз по-разному. Только позднее он сообразил, что, когда они со старшим инспектором шли берегом реки, Мошников не о сенокосе предупреждал Заборщикова через уплывающего на лодке рыбака, а о его, вдовинском присутствии в селе.

Витёля потерял покой. Он извёлся, не зная, что придумать. Наконец, его осенило. Вдовин распустил слух, что сплывает вниз, на побережье. Это, мол, тоже его владения, а он привязался к одной реке и оставил всю остальную территорию без присмотра.

На самом деле побережье не вызывало у инспектора забот. Там у него появились два нештатных помощника, колхозные сейнера промышляли в основном в море, да и народ “на берегу” был иной: *совестливей*.

Спустившись к морю, Вдовин выпросил у председателя тамошнего колхоза лошадь. Вроде проехать по берегу, чтоб не болтаться в “диоральке” (осторожность, подумал Витёля, не помешает). А сам — рюкзак впереди себя — и тронулся вверх по реке.

Дорога, большей частью, шла лесом, но иногда загибала в луга или прижималась к сопкам, которые, чем северней, тем встречались чаще. До этого Вдовин видел берега только с реки и теперь изумлялся простору пустынного края. С сопки, куда он забирался, оставив на тропинке лошадь, земля

напоминала тёмное море с застывшими волнами. То тут, то там стекленели озёра; необжитые леса, перетекая с сопки на сопку, уходили к горизонту, и лишь река нанизывала ожерелье селений, всё более редких к северу. “Сколько тут людей можно расселить! — думал Витёля. — Наверно, от того, что земли много, нет у нас порядка. Но она пригодится (он вспомнил разговор с Гаврилиным) — потомкам пригодится. Без запаса, как можно жить...”

Дорога всякий раз сворачивала в деревни, но Витёля далью обходил их, ведя лошадь в поводу через лес. Только в одном месте, объезжая деревню чмакающей луговинной, Вдовин оказался на виду домов. Какой-то мужик долго провожал его взглядом со двора, однако вряд ли, подумал Вдовин, он мог угадать инспектора: небо затянула тонкая пелена, и в перламутровом свете запасмурневшего дня Витёлина зелёная куртка, наверное, сливалась с цветом луговины, а морская фуражка у поморов не редкость.

В полдень третьего дня Вдовин подъехал к Анниной деревне. Десятка два изб вразброс стояли у реки. В отличие от некоторых селений, где можно было угадать подобие улиц, здесь какой-нибудь один тёмный бревенчатый дом подходил близко к реке, а уже соседний пятился далеко назад. На зелёном пространстве между избами и берегом вперевалку телепались утки; натягивая привязанную к колу верёвку, паслась коза. Вслед вдовинской лошади, подхватывая заднюю лапу, с брёхом кинулась рыжая собака, но тут из сарая выглянул чёрно-лохматый парень и гаркнул:

— Смелый! Башку оторву!

Витёля засмеялся.

— Своих пугает.

— Не говори. Ты чёй-т на таком транспорте?

— Маскировка. А народ где? Косите?

— Косим, косим. Смелому второне лапу чикнул. Он теперь инвалид, а я ударник труда.

Вдовин понял, что Анны дома нет. Однако, подъезжая к её избе, вдруг издалека заметил дородную фигуру в светлом платье. Анна разговаривала с женщиной, что-то ей показывала за реку.

— Здравствуйте, девушки! — спрыгнул на землю Витёля. — Кому коня на время подарить?

— Можете мне, — радостно подалась к нему Анна. — А то и Валентина не откажется.

— Валентина, если не жалко, пусть меня напоит. А коня вам. Напыюсь, да тронусь. Заждались кой-где.

Анна взяла повод, грозновато прихмурила брови, но, не выдержав, рассмеялась.

— Не опой его, подружница! Мышей не будет ловить. Мне вот на покосы — не то проследила бы. А лошадь возьмёте, когда надо.

Через некоторое время Витёля с рюкзаком спустился к реке, под обрывом прошёл вверх до поворота и обнял Анну, ожидавшую его у лодки. Их никто не видел. От деревни скрывал поворот, а к самой воде подходили тальниковые заросли.

С той ночи, когда Вдовин вернулся в избушку, что-то неизвестное раньше закрутило его. Словно подняла Витёлина душа нахлобученную фуражку и, открытая северному солнцу, томительно постанывала от нарастающей страсти. Как только выпадал случай, Вдовин летел на моторке к деревне, крикливо здоровался и говорил со всеми встречными, норовя оказаться поближе к дому Анны. Нашумев, помозолив глаза, возвращался к лодке и, поднявшись за поворот, ждал подругу.

На этот раз она ожидала его.

Витёля выгреб против течения и, когда оказался выше избушки, пересёк реку. Со дня их первой встречи косогор изменился. Анна выкосила всю траву — два бурых стожка стояли у леса. Только возле самой реки высокая трава была нетронута. В ней они прятали лодку.

Витёля выпрыгнул, подал руку женщине. Она мягко улыбнулась, пожала руку нежней, чем всегда. Не отпуская рук, пошли вверх по косогору.

После первого раза внутри избушки кое-что переменялось. В следующий приезд Витёля привёз в моторной лодке доски, гвозди, инструмент. Был он, как увидела Анна, “рукастый”. Мужа сколько ни просила слёги возле огорода поправить, пришлось самой делать. А этот быстро сколотил столик, две скамеечки — не сидеть же под дождём на улице! Поправил на всякий случай печку: вдруг придётся поздней осенью приезжать. Проверил: горела хорошо. Возле неё натянул верёвку — уезжая, Анна развешивала постельное бельё. На одной стене сделал вешалку: топориком узорчато обработал доску, набил в неё гвозди.

Едва вошли в избушку, Вдовин обнял Анну. Она прижалась к нему. Анну несколько не беспокоило, что Витёля был немного ниже её: она этого не замечала. А вот то, что при одном лишь воспоминании о нём ей становилось жарко, это женщину удивляло. Никогда прежде такого не случалось. Да и было Витёля всего второй мужчиной в её жизни.

В избушке, из-за маленького оконца, держался слабый полусвет. Но даже будь его меньше, они всё равно разглядели бы каждую складочку на лице близкого человека, потому что ни у него, ни у неё дорогое лицо не уходило из памяти. Анна не чувствовала тяжести тела Виктора, сама подавалась навстречу его губам, смотрела широко раскрытыми глазами в сочную, словно кипящую, синеву его глаз и чувствовала, как подкатывает, лишь с недавней поры узnanное, ощущение сладостного взрыва. Она вскрикнула, и в тот же миг зарычал Витёля.

Ещё какое-то время они лежали рядом. Вдовин гладил плечо Анны, легонько прижимал женщину к себе. Расслабленно проговорил:

— Привёз хорошей колбасы. Встречу отметим... Ведь целую неделю не виделись...

— Мне нельзя, Витя.

— Чего нельзя?

— Выпивать.

— Да какая у нас с тобой выпивка? Оба как воробьи пьём.

— Нисколько нельзя.

Она приподнялась на локте, с волнением сказала:

— У меня будет ребёнок, Витя.

Витёля вскочил.

— Это точно? Сама поняла?

— Не только.

Сначала её насторожила задержка месячных. Но не напугала. В первые годы жизни с мужем такое было два раза. Потом всё проходило, вызывая сначала недоумение, а затем нарастающее раздражение мужа.

— Ты бы, Анька, с подружницами потолковала. Почему у тебе не получается...

— Стыдно, Егор, об таком говорить. Это как бы на мужа жалища.

— Како на мужа! На себя, на себя! Ты пустоцветка!

С того раза Егор стал постоянно корить Анну этим обидным словом. Она лаской встречала его с моря — с мая по сентябрь, иной год дольше он был в Атлантике, и старалась растеплить мужа. Но через какое-то время Егор начинал сердиться, косо глядел на жену и в сердцах бросал: “Пустоцветка ты... Зачем я тебя в жонки взял...” Сначала неуверенно, потом всё твёрже стал заявлять о разводе.

Анна тихо плакала: на люди выносить семейные обиды у поморов было не принято, и, хотя нравы и привычки сильно изменились, порушились, она принимала беду только на себя.

Выросла Анна тоже в деревне, но совсем в другом месте: на Летнем берегу* Белого моря. Сюда прислали после техникума. Дома осталась мать, попоморски “мамушка”, и два старших брата. Отца “взяло море”**, когда он очередной весной ушёл добывать бельков — детёнышей тюленя.

* Летний берег — южный, архангельский берег Белого моря.

** Поморы никогда не говорили “утонул”, “погиб”. Было одно выражение: “Взяло море”.

Егор был старше Анны на семнадцать лет. После смерти первой жены недолго повдovel и взял красивую молодуху. С той женой у него не было детей, с этой — тоже. Но винил он не себя. Анна замкнулась, в постели была как в колодках, ласкового слова не слышала, и сама стала деревенеть.

А первая ночь с Витёлей словно все пути порвала. Они оба как сбесились, и это сумасшествие повторялось при каждой новой встрече.

Через некоторое время Анна почувствовала в себе какое-то странное набухание. Будто что-то начало вливаться в неё и распирает всё тело непривычным давлением. Когда задержка перевалила за два месяца, Анна заволновалась. На лодке спустилась в стрельниковское село, откуда в Мурманск летал самолёт. В женской консультации немолодая врач акушер-гинеколог спокойно объявила: беременность одиннадцать недель.

Анна испугалась и обрадовалась. Испугалась: что скажет Егору? А обрадовалась, почувствовав себя настоящей здоровой женщиной.

Врач внимательно посмотрела на неё. Испуг истолковала по-своему:

— Будете делать аборт? Время-то какое пришло... поганое... Не до детей сейчас...

— Ну, что вы? — с укоризненной улыбкой ответила Анна. — Бог такое счастье дал.

— Счастье-то счастье, да жизнь кувырком летит.

— При всех бедах с детьми выживали и теперь выживем.

Она ещё не знала, с кем будет выживать. Егор откажется. Виктор вон как смотрит: не ожидал.

— Мне подтвердили в женской консультации, — сказала Анна. — У меня будет ребёнок.

— У нас... У нас будет ребёнок, Анюта.

Вдовин помолчал и вдруг решительно заявил:

— Выходи за меня замуж!

Анна растерялась:

— А как же Егор?

— Ты знаешь: у меня тоже есть. Но у нас с ней жизни не продольные, а поперечные. Всё поперёк. Я беру тебя, Анюта. Пойдёшь?

Анне стало жарко. Только его — этого сурового и нежного мужчину, она хотела видеть и чувствовать рядом. Когда он подходит сзади, целует в шею, раздвигает носом волосы, взволнованно дышит, и она чувствует своей кожей это тёплое дыхание, сердце, словно хочет куда-то убежать. И Анна забывает всё — заботы и проблемы дня, чьи-то косые взгляды. Пусть осуждают. Пусть взбеленится Егор — он давно грозит ей разводом, слова доброго не скажет — всё, как собаку: Анька да Анька.

— За вагана выду взамуж, убежу — не буду жить, — нараспев, озорно произнесла она.

— Кто такой ваган? — насторожился Витёля.

— Приезжий целовек. Так у нас в цастушках пели.

— У меня не убежишь! — хвастливо, но в то же время твёрдо заверил Вдовин.

Вечером, когда в маленькое оконце ударил солнечный свет, они вышли из избушки. Серенькая пелена, которая два дня затягивала небо, кое-где протёрлась; сквозь неё, как сквозь истлевшую ткань, стала просвечиваться голубизна, а на западе польхал уже совсем чистый, алый закат.

— Отвык ты от домашнего, Витя. Спуститца ба ко мне.

— Не получится. Снизу привезу человека, он лошадь заберёт. Тогда решим, как будем жить дальше. Сейчас надо циклопа проверить. Они думают, меня можно обдурить.

— Боюсь я, Витя, за тебя. Мужики всяко говорят. Мы привыкли, что река наша. Как без рыбы на реке жить?

Вдовин помрачнел, вспомнив лицо Стрельникова, когда на него закричал Гаврилин — испуганное, растерянное, злое. Он не оправдывал председателя и его людей, но в то же время уверенность в правоте собственных действий вдруг скукожилась, из чёткой и ясной стала какой-то расплывчатой. Где его место в это смутное время? Против кого он? Выходит,

и против Анны? Но Анну он ни в коем случае не хотел терять. Особенно сейчас. Ему захотелось сидеть рядом с ней долго-долго, сидеть в тёплой сумеречной избе, глядеть на огонь печки, слышать, как посапывает ребёнок — их с Анной ребёнок — и никуда не уезжать от всей этой тихой благодати. Днём заниматься с моторами — Вдовин даже почувствовал зуд в руках: так они соскучились по металлу, по прохладной солярке, а вечером гладить её загорелую сильную руку, пропускать между пальцами красивые волосы, заглядывать в тёплые карие глаза. Но вместо этого надо ловить нарушителей закона. Закона той страны, которая, судя по событиям в Москве и Ленинграде, уже не способна была спасти даже себя.

Витёля накачал свою лодку. Привязал её к Аннинной, деревянной, и они поплыли вниз. Не приставая к деревне, Вдовин перебрался к себе.

Он долго плыл по течению, изредка подправляя лодку вёслами и вглядываясь в берега. Ночи стали густеть, а река то и дело круто поворачивала.

Ближе к середине ночи Вдовин разглядел на берегу чёрное пятно избушки. Это была тоня верховой бригады Заборщикова. Чтобы скоротать время до утра, Витёля пристал к скалистому берегу. Вытащил лодку, сел, прислонившись к скале. Опустил голову на колени и задремал. Близко струилась слабо различимая река. Глубинная стылость скалы знобко холодила спину. Через некоторое время Витёля продрогло очнулся, вскочил на ноги и полез на скалу. Отсюда избушка в бинокль была хорошо видна. Вот из неё вышли четверо мужиков, столкнули две лодки и поплыли проверять ловушки. Вдовин ясно видел их лица, брызги воды, которые поднимала беснующаяся сёмга. Инспектор взволнованно следил за рыбаками. Если пройдут дальше середины реки, значит, ничему он их не научил.

Однако лодки дошли до середины, подержались немного там и повернули к берегу. “Вот так, дорогой товарищ Заборщикова! — весело подумал Витёля. — Понял, что закон нарушать нельзя”. Довольный, он скатился со скалы и, пока в избушке готовили завтрак, быстро сплыл за поворот реки. Там снова пристал, поднялся в лес, сделал на костерке завтрак, отоспался и, едва вкрутую загустели сумерки, тронулся дальше.

Ночью, держась на осторожном расстоянии от берега, Витёля доплыл до главного колхозного села, где жил председатель и где квартировал сам инспектор. В мире и в селе было тихо. Только где-то слабо пунукал невидимый движок. Когда лодка оказалась на траверзе колхозной конторы, Вдовин язвительно улыбнулся и, приподняв фуражку, подмигнул в темноту: “Спи спокойно, дорогой товарищ!”

Избушка мезинской бригады стояла на том же берегу, что и село. Берег тут был пологий и лес довольно далеко отходил от воды. В другое время это могло бы осложнить наблюдение за тоней. Однако инспектор знал, что вся бережина между лесом и рекой оставалась некошеной: у Стрельникова руки не доходили. В траве Витёля и решил спрятаться. Поэтому, как только он различил тёмное пятно избушки, так сразу же погрёб к берегу.

По пояс трава была сухая, не росная. Вдовин протащил лодку подальше в траву и лёг в неё, скрестив руки на груди. Спать не хотелось, да и времени оставалось мало. Витёля чувствовал это по остылости воздуха и слабеющему мерцанию холодных звёзд. Когда-то он мог различать их порядочно и даже знал некоторые по именам. В школе его прихватила страсть: обучиться на астронома. Витёля начал читать специальные книги, привязанно ходил за молчаливым, постоянно углублённым в свои думы учителем Андреем Павловичем. Потом всё прошло, и теперь Вдовин угадывал лишь Большую Медведицу да Полярную звезду. Он нашёл их взглядом. Ковш Медведицы предрасветно запрокинулся, а неподалёку от него Витёля вдруг увидел незнакомую звезду, которая крупно переливалась зеленоватым светом. Вдовин пригляделся к ней и даже хмыкнул от удивления. Звезда напоминала стрельниковский глаз. Казалось, председатель завис над тёмной землёй, наверное, даже время от времени взмахивает невидимыми крыльями-руками, чтоб распластанно висеть там, в высоте, но сизая тень закрыла всё его тело, лицо, и только зелёный глаз смотрит из бездны, то зажигаясь насмешливо, то вспыхивая гневом, а то вдруг устало притухая. “Тоже не сахар во

рту, — снова подумал Витёля о председательской жизни. — Корма не заготовил... Сёмга в план не лезет. И я поперёк дороги. Устанешь тут”, — сочувственно подмигнул он зелёной звезде. “Интересно, каким я ему кажусь с той высоты?” Вдовин не заметил, что начал думать о звезде, как действительно о председателем глазе. “Наверно, и не разглядишь ты меня, Валерий Иванович...” Витёля вдруг увидел себя как бы с того далёкого расстояния и ужаснулся своей песчинковой малости. Была огромная земля, на которой он лежал, были бескрайние волны лесов, тяжёлый поток, стремящийся в ночи к морю — всё это было большое, вечное и лишь сам он всё быстрее и быстрее уменьшался, пока не превратился в едва различимую пылинку. Некоторое время она ещё держалась и, наконец, слабо мерцнув, исчезла совсем. “Миг ведь один: наша жизнь, — потрясённо подумал Витёля. — А мы его, к тому ж, друг другу укорачиваем. Жить бы, сколько вон она, тогда можно кусаться. Какое-то время кусаться... Потом мирно жить...”

Неожиданно с реки донёся негромкий всплеск. Вдовин настороженно привстал. Глазом река отсюда была плохо различима, а бинокль лежал в рюкзаке. Витёля подождал: не повторится ли звук, однако тишину больше ничто не нарушило. “Уже мерещится, ёлки с палкой”, — подумал он и снова лёг в лодку. Взгляд опять наткнулся на зелёную звезду. Но теперь, когда всплеск вернул Вдовина к реальности и напомнил, зачем он здесь лежит, звезда вызвала раздражение. “Устал он, гляньте на него! — подумал инспектор о председателе. — В рамку его засунули... Сам не лезь! Так можно чего хочешь оправдать...”

Вдовин не заметил, как звёзды в вышине помельчали, воздух стал совсем холодным, а с травы, когда он нечаянно задел её рукой, сыпанула роса. Пора было занимать позицию: в бинокль избушка выдвинулась совсем отчётливо и между расплывающимися ключьями тумана стала различима чёрно-глянцевая река.

Через некоторое время из избушки вышел мужчина. Зевая, пристроился к углу, потом отошёл, застёгиваясь на ходу, и стал глядеть вверх по реке. “Ждём товарища инспектора?” — злобно подумал Витёля, следя в бинокль за рыбаком. Тот постоял и ушёл в избушку. Вскоре оттуда появился Мезин, а за ним остальные.

Пока рыбаки садились в лодки, бригадир смотрел вверх по течению. “Странно, — с некоторым беспокойством подумал Вдовин. — Кого они ждут сверху? Неужели кто разгадал мой манёвр или увидел?” Но тут в сетях забилась одна рыбина, потом другая, и Витёля поспешно встал с колен на ноги. В мыслях у него теперь был один вопрос: пройдут или не пройдут лодки середину реки? Если пройдут, то ловушками снова перекрыта вся река и тогда... Что будет тогда, Вдовин представил с беспощадной ясностью. Теперь сам Гаврилин не смог бы удержать его от расправы. Стрельниковские пираты двинулись не только против Вдовина. Они пошли против самого Закона пусть разрушаемой, но всё ещё существующей страны, и потому люди в лодках сразу как бы уменьшились, глядеть инспектору на них стало неприятно, и он, уже не считая нужным соблюдать осторожность, выпрямился во весь рост. Лодки, догнав одна другую, некоторое время держались на середине реки. Но вот та, в которой сидел Мезин, круто развернулась и пошла к берегу. Витёля рухнул в траву. Это была победа, но вместо торжества Вдовин вдруг почувствовал неясную тревогу. “Странно всё это, — думал он. — Неужели горбатый до могилы исправился? Но тогда кого Мезин ждал сверху? Нет, надо будет сделать ещё один тайный налёт. Что-то быстро чёрт перековался в ангела...”

Когда рыбаки скрылись в избушке, инспектор надел рюкзак, подхватил надувную лодку и, пригнувшись в высокой траве, пошёл к тому месту, где лес снова выходил к реке. Быстро пересёк реку и поплыл дальше, прижимаясь к самому берегу. Однако тревожная мысль не покидала его. Кого ждали сверху на мезинской тоне? — думал Вдовин. — Мотодору за уловом? Но она приходит позже. Или бригадир посылал с вечера за продуктами? А может, ждали его? — вдруг оцепенел Витёля. Это было невероятно. Кто-то увидел

его. Но где? Значит, к последней бригаде надо подбираться ещё осторожней.

Инспектор решил остановиться как можно быстрее, чтоб никто не заметил на реке. А сделать это он надумал сразу за лесистым мысом, который показался впереди. Вдовин отгрёб к середине, чтоб течение обнесло мыс, и бросил вёсла. Река плавно несла лодку. До мыса оставалось совсем немного, когда Витёле вдруг невероятно захотелось расправить уставшие ноги и спину. Подвигавшись туда-сюда, он с маху откинулся на дно лодки. В тот же миг с мыса оглушительно польхнул выстрел.

— В Христа-спасителя! — инстинктивно заслонил голову рукой Вдовин, ещё не поняв, в чём дело. — Эй, кто стреляя...

Он не успел выкрикнуть последнее слово, как на мысу снова туто грохнуло, и следом раздался звук, словно кто-то ударил палкой по надутой камере. Пуля ожгла борт лодки и булькнула где-то рядом. Послышалось шипенье выходящего воздуха. Витёлу в один миг обдало холодным потом. Он цапнул вёсла и, ожидая каждое мгновение нового выстрела, отчаянно заработал ими. Лодка вырвалась дальше мыса, и тут инспектор увидел врага. На деревянной лодке к берегу спешил человек в белой кепке.

— Сто-ой! Стой, стрелять буду! — заорал Витёля и выхватил из кобуры пистолет. Но человек только сильнее замахал вёслами. Бросив оружие между ног, приналёг и Витёля. Его лёгкая лодка неслась быстрее деревянной, но выходящий воздух делал её всё более неуклюжей. Полуобернувшись назад, чтоб не пропустить момент, когда враг поднимет ружьё, Вдовин грёб частыми рывками. Вдруг что-то в человеке ему показалось знакомым. Витёля подразвернул лодку и обрадованно завопил:

— Сто-ой, Мошников!

Серёга от неожиданности выпустил вёсла. “Сейчас иль стрелять будет, иль выбросит ружьё”, — мелькнуло в мыслях у Вдовина. Едва он подумал об этом, как Мошников быстро нагнулся, протянул руку вниз. Витёля мгновенно схватил пистолет и нажал курок.

* * *

— Вы понимали, Вдовин, что можете ранить человека или даже убить его? — спросил судья, когда инспектор кончил рассказывать.

— Так я ж сначала не в него! Я в воздух. А он, браконьер, не захотел останавливаться.

— Прошу суд обратить на это особое внимание, — энергично заметил прокурор. — Подсудимому, судя по всему, никогда не объясняли (он жёстко глянул в сторону Гаврилина), что браконьерство считается лишь тогда, когда оно документально доказано.

— А какие ещё нужны доказательства? — удивился Витёля. — Он чуть в меня сёмгами не попал.

Выстрелив вверх, Вдовин ждал, когда Мошников поднимет ружьё. Но вместо этого в воду одна за одной полетели четыре рыбины. Тем временем разогнавшаяся деревянная лодка ткнулась в берег, а резиновая Витёлина совсем обмякла, готовая вот-вот набрать воды.

— Лови, морда! — закричал Серёга и, размахнувшись, бросил последнюю сёмгу в инспектора. Брызги обдали Вдовина. Он на миг зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что Мошников уже опёрся о борта, готовясь выскочить на берег. От обиды у Вдовина перехватило дыхание. Он выбросил руку с пистолетом и снова нажал курок. Серёга ошалело вскрикнул, прыгнул на траву и тут же упал, как споткнулся.

— Мы можем верить только фактам, — строго сказал прокурор. — А их нет. Нет резиновой вашей лодки. Может она утонула от того, что вы её сами порвали чем-нибудь. Нет и деревянной лодки потерпевшего. Как доказать, что в ней была рыба?

— Дак он её сам утопил! — воскликнул поражённый Вдовин. Получалась какая-то чертовщина. Неужели прокурор, призванный соблюдать Закон, не верит ему — человеку, Закон охранявшему?

— Неправда это! — быстро сказал Мошников. — Она уплыла, когда я упал. Он мне калбук отстрелил. Сапог был новый, а теперь без калбука — кто он? Просто инвалид — без калбука-то. А он...

— Каблук у вашего сапога, — тихо поправила женщина — народный заседатель, видимо, не выдержав подозрительных Серёгиных причитаний по поводу сапога-“инвалида”. — Новый прибить — и вся работа.

— Это как сказать! А он тут про лодку... Он — власть! Ему, значит, можно всё говорить?

Вторым выстрелом Серёгу так садануло по пятке, что ему показалось: оторвало ногу. Он сгоряча прыгнул и сразу упал. Однако мгновенно перевернулся, сел и хищно оскалил зубы, готовый, тем не менее, поднять руки, если инспектор снова направит оружие. Но над водой виднелась только голова законника в фуражке и поднятая рука с поднятым вверх пистолетом. Смятая резиновая лодка с рюкзаком почти вся погрузилась в воду и уплыла вниз. Серёга вскочил, хромая, кинулся к своей лодке и выдернул весло. Вдовин рванулся вбок, фуражка свалилась, и Мошников увидел, как брошенное им весло пронеслось рядом с белобрысой головой инспектора. Витёля захлебнулся, синие глаза выперли из орбит. Спасая пистолет, Вдовин пытался удержаться на поверхности одной рукой. Но мокрая одежда и полные воды сапоги смертно топили. Видя, что первым веслом промахнулся, Мошников вырвал второе и бросил его в ненавистного человека. От страха снова дрогнула рука. Весло прошло ещё дальше головы инспектора. Тогда Мошников шагнул в воду, навалился на лодку и перевернул её. Рубить концы надо было полностью. На солнце сверкнуло смолёное днище, и лодка канула в быстрой воде. И тут он увидел прямо на него направленный пистолет.

— Сдаюсь! — заорал Серёга, пятясь из реки. — Сдаюсь! Не стреляй!

— Кинь ремень! — захрипел, теряя последние силы Витёля. — Куда, гад?

Почувствовав под ногами не дно реки, а берег, Мошников отпятился назад и прыгнул в сторону.

— У меня вопрос к потерпевшему. Можно? — услышал Вдовин. Молодой человек: худощавый, высоколобый, в очках, с тонкими губами обращался к судье. Это был адвокат. Витёля не собирался брать никого для своей защиты: слишком ясным было для него двойное нарушение закона — стрельба по нему, инспектору, и браконьерство. Но Гаврилин настоял. “Закон, что дышло”, — неожиданно мрачно сказал он, и губы его посинели от ярости. Вдовин рассказал адвокату чуть ли не всю жизнь. Умолчал только про Анну. Молодой человек съездил на вдовинский участок, с кем надо, по его словам, встретился, переговорил. “Дело будет наше, — сказал адвокат. — Заговорщики потерпят фиаско”. Однако, к удивлению Вдовина, эта “фиаска”, как он назвал её Анне, вроде бы поворачивалась не туда.

— Спрашивайте, — кивнул судья.

— Скажите, Мошников, что вы делали так рано утром на реке?

Серёга насторожился. Вражеский защитник кинул наживку с большим крючком.

— Катался.

— То есть, как катался? У вас что: был выходной день? Или вас отпустил председатель?

— Никто не отпускал. К братану надо было ездить.

— Так вы катались или к брату ехали?

— От человек! — вспылил Мошников, но тут же взял себя в руки.

— К братану плыл. Выходит, катался.

— Ещё вопрос можно? — спросил адвокат судью. Тот снова кивнул.

— Скажите, Мошников, вас штрафовал инспектор Вдовин за браконьерство?

На щеках у Серёги от гнева выступили красные пятна. К чему этот-то вопрос? О мысе надо говорить. А с мыса он не стрелял.

— Штрафовал. Ну и что?

— Прошу суд отметить, что потерпевший — назовём его так — уже был известен Вдовину, как злостный браконьер. Это не домыслы, как тут считают некоторые, а документально доказанный факт. Вот протокол. Прошу приобщить к делу. А теперь, если можно, вопрос свидетелю Стрельникову.

— Можно.

— Валерий Иванович, вот вы нам здесь характеризовали потерпевшего Мошникова. Хорошо отрекомендовали, — адвокат чуть заметно усмехнулся. — А как вы сами относитесь к инспектору Вдовину? Личное ваше мнение? Всё же какое-то время, — тонкие губы молодого человека снова тронула усмешка, — скажем так, работаете бок о бок.

Адвокат знал, что Вдовин дважды штрафовал председателя за браконьерство, но решил пока об этом не говорить.

Стрельников разогнул длинное тело, как складной метр распрямил. Скопил зелёный глаз в сторону человека, который зло передёрнулся на отдельном стуле, изображавшем скамью подсудимых. “У-у, дьявол неукротимый! Искипелся весь, аж мясо к костям присохло, а мира не просит”, — с прежней неприязнью и в то же время с каким-то новым чувством, похожим на уважение, подумал Валерий Иванович.

Когда он узнал о стрельбе на реке, то поначалу струхнул и расстроился. Не хватало ещё задержания колхозника с применением оружия. В верхах могли что угодно пришить. Страна хоть и трещала по швам, но начальство на своих местах оставалось. Однако встретив участкового милиционера Виктора Мошникова, не то двоюродного племянника, не то троюродного брата Серёги — в родственных связях поморов не разобрался бы ни один следопыт, Валерий Иванович кое-что понял. Оказалось, милиционер не нашёл на мысу никаких следов. “Скажи, не искал, — насмешливо подумал председатель. — Тоже мне — расследователь. Не ангел же стрелял!” (Что в инспектора стреляли, Валерий Иванович не сомневался, но вслух об этом говорить не стал). Как объяснил милиционер, канули в пучине реки и обе лодки, по которым можно было что-то установить. Оставалась стрельба Вдовина просто так, за будь здоров, а это, смекнул председатель — опасное преступление. “Если не осудят, — подумал он, — то хотя бы припугнут. Тогда этот припадочный (так про себя Стрельников называл Гаврилина), должен будет убраться Вдовина. Ведь совсем жизни законник лишил...”

После второго штрафа Стрельников собрал бригадиров.

— Попадётесь — сами распахивайте карманы. Мне за вас в тюрьму идти не хотца. Но план штоб был. Он не мне одному нужон. Будет план — подкинут нам денег. Помогают умеющим людям, а ленцям, которы ўхи скребут, — во!

Он показал кукиш.

— Однем словом, глядите за Вдовиным, как за жонками своими. Кто увидит — сей момент передать дальше.

С того дня все передвижения инспектора стали под контролем.

Но в последний раз Стрельников сам спутал карты своим подчинённым. Когда Витёлю негласно проводили до устья реки, он через некоторое время позвонил председателю-соседу. В разговоре о том о сём, как бы между прочим, спросил про Вдовина. “Уехал, — ответил сосед. — Берег осматривать. Я ему лошадь дал”.

Это окончательно успокоило Валерия Ивановича. Ему оставалось немного, чтобы чуть-чуть перевыполнить план. Особо зарываться теперь Стрельников не хотел: надоело висеть на ниточке над пропастью. И вдруг к председателю домой — он как раз обедал — прискакал гонец. “Валерий Иваныч, Вдовина видели! К верховьям на лошаде проехал. Сторожко ехал! Слава Богу, Гавкунов Семён вышел во двор по нужде и как раз Вдовина увидал”.

Председатель бросил ложку в тарелку. Брызги супа упали на штаны, расплылись по ним жирными пятнами. Стрельников выругался и заорал на удивлённого вестника, чтобы он — раззява — “сей же момент” летел на мотрке по тоням с предупреждением.

В тот миг Валерий Иванович, дай ему волю, своими руками утопил бы маленького плотенького человечка, перегородившего колхозу путь к благу. Но сейчас, глянув на похудевшее, осунувшееся лицо Вдовина, на вылинявшую фуражку с тусклым “крабом”, которую Витёля нежно гладил на коленях, Стрельников неожиданно почувствовал какую-то трещинку в своём обычном отношении к инспектору. “В чём же эт он виноват? — подумал

вдруг Валерий Иванович. — В своей такой работе? Однако он её делает, как по закону надо. Поставь меня туда, и я так должен буду делать. Его на моё место поставь — я буду его так же ловить. Мы друг друга будем ловить, пока вверху не разберутся, где середину палки найти и как на обоих концах поровну висеть. Что от реки осталось? План, план... Они там вверху разве не знают, сколько сёмгов берём, сколько её остаётся? Так нет, давай им больше... А сёмга — не болты. Для тех железа больше привёз — и точки больше. Хоть три плана... Это вам не река живая. Тут надо с ложкой, а мы по сей день с поварёшкой...”

— Я, может, непонятно сформулировал свой вопрос? — напомнил адвокат. — Личное ваше мнение...

— Не пойму, какое это имеет значение для данного дела? — встрял прокурор, но судья не отреагировал.

— Если надо, я скажу, — ответил Стрельников. — С мыса, похожа, стреляли. Я этого не утверждаю, но могли. Скорей всего не наши, — на всякий случай добавил он. — Очень уж товарищ Вдовин круто повёл дело (председатель не заметил, что назвал Витёлю товарищем). Надо иногда разобраться, откуда идёт нарушение правил рыболовства. А он сразу: цап-царап!

Стрельников дипломатичал изо всех сил. С одной стороны, ему не хотелось говорить, что расследование шло никудышно. Верней сказать, не было никакого расследования. Но начнись оно — и неизвестно, куда кривая выведет.

С другой стороны, ныла, как царапина, появившаяся трещинка. Браконьерил, конечно, Серёга — председатель знал это не хуже других в селе. Однако выйдет сейчас Вдовин из суда, и снова прощай нормальная жизнь. Поэтому Валерий Иванович опять помрачнел.

— Суровый он очень — этот наш инспектор. Можно сказать, злой человек. И всё твердит: “Закон, дорогой товарищ! Закон”. Законом надо пользоваться осторожно. Как, к примеру, пистолетом. Вот чего я могу вам сказать.

* * *

Из судейского здания инспекция выплеснулась валом, прорвавшим плотину. Напереживались мужики и теперь, кто курил, жадно задымили. Ветром дым нанесло на Вдовина. Он поморщился, махнул рукой у носа. Было зябко. Маленькие, будто взрывом размётанные облака, быстро неслись по небу, то и дело закрывая солнце. Холодно блестели лужи. Порывы ветра время от времени кособочили берёзку во дворе судейского дома, надувая жёлтым парусом её листву. Вдовин запахнул куртку. В суде он вепотел и теперь, остывая, снова почувствовал недавнюю слабость и ломоту.

— Ну, бутылка с тебя, Виктор Николаич! — весело приближал Вдовина широкоплечий лет двадцати пяти парень, с круглой стриженной головой и серыми, навькате глазами. Он недавно поступил в инспекцию, и Вдовин мало знал его. Известно было, что Андрей Сыромягин — так звали парня, был десантником, служил сверхсрочно. После побоища в Тбилиси, в апреле 89-го года, когда на безоружных солдат напала толпа подготовленных головорезов, его ударили ножом в спину. Солдат долго лежал в госпитале, а выздоровев, сразу комиссовался. За работу в инспекции взялся основательно и, как рассказал Витёле Гаврилин, через полмесяца после прихода, один повязал троих браконьеров с оружием.

— Уделал их адвокат, — всё так же с весёлой улыбкой продолжал Сыромягин. — Распластал, как сёмгу... только что не посолил... А этот, собака — прокурор! — чёй-то он на вас, Альберт Петрович, удочку закинул?

У старшего инспектора дёрнулась щека.

— Узнал откуда-то, что меня также судили. У Вдовина обошлось, а мне браконьёры подстроили.

Ноздри его тонкого носа раздулись и побелели.

— Тут сёмга, а на Каспии осётр. Банда, которую мы накрыли, таких “пишек” кормила, каких вы в глаза не видели. Три года мне сначала дали.

— И вы их... это... отсидели? — спросил в наступившей тишине Карнаухов.

Лицо Гаврилина перекошило.

— Москва им всё поломала. До Верховного суда обращался.

— Вот он, какой закон, — растерянно сказал Вдовин, думая не столько о Гаврилине, сколько о себе. Он был потрясён и даже к оправданию в суде не знал, как относиться. Удовлетворён был, конечно, что прокурору, который требовал посадить Витёлю, адвокат и судья с народными заседателями, по словам Гаврилина, “дали в зубы”. Но всего лишь час назад его могли приговорить к тюремному сроку. И это его, почитающего Закон больше, чем родню и друзей! А, главное, кто?

Когда заговорил прокурор, Витёля сначала ничего не понял.

— Нам надо отказаться от карательных законов советской власти по отношению к простым людям. Кому принадлежат природные ресурсы? Народу. А ему не дают пользоваться этими дарами в полной мере. То есть, попирают основные принципы демократии, которая говорит: все равны и все имеют равные права. Пусть люди берут, сколько хотят! Пускай, сколько им надо, ловят рыбы, бьют зверя, добывают другой дичи. Также и с остальными природными богатствами! Вот какие законы должны быть, а не те, к которым нас пытаются вернуть в этом суде. Подобная попытка недавно уже была. Я, имею в виду хунту заговорщиков под кличкой ГКЧП. Но народ отверг этих людей. Они потерпели поражение, как раз потому, что хотели, путём государственного переворота, сохранить прогнившую власть и её законы. Демократия победила!

Витёля слушал, недоумевая. Человек в синем мундире в его представлении, должен был выражать позицию государства. А что ж это за позиция: уничтожать общегосударственные ресурсы подчистую? Да такого в нормальном мире нет нигде! О чём он говорит — этот пузан?

Но когда прокурор назвал какую-то статью и бухнул: требую для Вдовина лишения свободы, Витёлю прошиб липкий пот. Этого он не мог даже в жутком сне представить. Его дважды чуть не убили, и он же виноват? Потерявший соображение Витёля хотел плюнуть в сторону мужчины в надутым, словно футбольный мяч, синем мундире, но во рту было сухо. Язык царапал нёбо, и губы окаменели.

Потом встал адвокат — худощавый молодой мужчина, в тонких, золотистых очках, светловолосый, в голубом костюме и без галстука.

— Четыре месяца назад вы говорили совсем другое, Виктор Викторович! — с усмешкой сказал он. — В процессе над браконьером Зуевым требовали именно ему трёх лет колонии. Однако сейчас поменяли свои убеждения на прямо противоположные. Почему?

— Потому что новая, демократическая власть отбрасывает прежние законы. И я готов служить ей. Служить демократии.

Прокурор уже давно работал в этом небольшом городе, и ему надоело здесь прозябать. Он считал, что заслуживает более высокого поста, но в областной прокуратуре не замечали его способностей. Теперь надежда была на новую власть.

Адвокат осуждающе покачал головой и заговорил.

— Менять свои привязанности так же легко, как это делают девицы определённого поведения, личное дело любого гражданина. Может, душевный удар разбил человека. Может, засветила выгода. Хуже, когда это делают публичные люди. Вчера они внушали обществу, тому самому простому народу, что надо идти налево, а сегодня говорят, что путь к счастью — это дорога направо. Как им после этого верить? Тем более, что их новые призывы грозят большой бедой этому самому простому народу.

Что такое: “Пусть берут, сколько хотят”? Вся история человечества показала: если не регулировать изъятия из какого-нибудь природного ресурса, очень скоро от него ничего не останется. Исчезнет ресурс!

Но это одна сторона дела. Призыв: брать, кому что захочется, открывает дорогу к глобальному расхищению общенародных богатств. Определённые группы лиц, путём сговора, опираясь на предлагаемое беззаконие, могут

взять себе в собственность не две-три сотни рыб, а все реки с их содержанием, не одного-двух лосей, а миллионы гектаров лесов вместе со всем животным миром, а заодно и древесиной. А там недалеко и до других богатств: нефти, газа, золота... Простым людям, о которых вроде бы заботится уважаемый Виктор Викторович, останется только с завистью, а потом с ненавистью смотреть на богачей. Ведь они взяли, что захотели. И никто, никакими законами их в этом не ограничивал.

Поэтому работа рыбинспектора Вдовина — государственная работа. В интересах как раз простого народа.

Эти слова немного приободрили Витёлю. Добавили надежды характеристики: от начальника депо и председателя профсоюзной организации, которые вслух прочитал адвокат. Витёлю слушал и удивлялся — написано вроде о нём, а звучало, будто о другом человеке: честный, надёжный товарищ, профессионал высокого класса. Выступили свидетели: из депо мастер Антипов, от инспекции Гаврилин и Федотов. Евгения Витёлю не звал. Его пригласил адвокат. Федотов сначала сел в стороне от инспекторов. Но, рассказав о принципиальности Вдовина, о его ставших широко известными словах: “Закон, дорогой товарищ! Закон!”, о неутомимости бывшего напарника, Федотов пересел поближе к своим прошлым коллегам.

После совещания с заседателями судья объявил, что состава преступления в действиях Вдовина суд не установил, а насчёт выстрелов с мыса дело направляется на новое расследование.

— Вот на это ты не надейся, — махнул рукой Федотов. — Никто такой ерундой сейчас заниматься не будет. Когда мы свои законы создадим, тогда будет порядок.

— А если они не понравятся людям? Как тебе советские законы... Соберутся люди и захотят скovyрнуть вашу власть.

— Пусть попробуют! Мы церемониться не будем. В отличие от тех... с трясуцимися руками из ГКЧП. Власть надо твёрдо держать в руках. Сейчас проведём чистку: кто идейно готов быть на стороне путчистов (Федотов недобро посмотрел на стоящего рядом Гаврилина), с теми отдельный разговор. А кто случайно оказался на той стороне... как ты... таких, может быть, простим.

— Я не случайно, — закашлявшись, произнёс Вдовин. — Сознательно.

— Ты ещё не понимаешь, кому служил. Приходи завтра к пяти в горком партии. Увидишь людей новой власти.

Федотов засмеялся:

— В бывший горком, бывшей партии.

Витёлю неопределённо пожал плечами и, попрощавшись с обоими: с Гаврилиным за руку, с Федотовым — кивком, пошёл за остальными к выходу из судейского двора.

И тут за редким штакетным забором увидел стоящую мать. Он скорее всего засеменил к ней. Перед судом заглянул домой. Всё там было, как несколько месяцев назад. Посреди кухни на подножке стоял мотоцикл без переднего колеса. Только корытце с соляжкой мать вынесла в сени. Соляжка высохла и болты-гайки покрылись чёрной грязью, липкой даже на вид. Люська один раз привела внучку к бабке — это вскоре после Витёлиного отъезда — и больше не появлялась.

— Ты была там?

Вдовин показал на здание суда. Он не заметил мать — наверное, притаивалась на задних рядах. Народу было много — Витёлю в городе знали, да и не каждый день судят не браконьера, а рыбинспектора.

— А где ж мне быть, когда такой причудник уродился, — печально сказала мать. — Христом Богом прошу, Витька! Брось ты эту заразу — работу. Посодют тебя, сынок. Али цево хуже — убьют. Зацем она тебе: людей ловить? Не поп, дак не лезь в ризу*.

— Опять двадцать пять.

Витёлю закашлялся.

— Вот-вот. Цево бухашь-та? Пойдём домой, Витька, пойдём. К Люське сходишь, она обдумаецца. Доцка при живом отце сирота.

* Риза — верхняя одежда священника, надеваемая перед началом службы.

— Некогда, мам, — вяло проговорил Витёля. — Несколько дней участок без глаза.

Мать всплеснула руками, уронила их на худые бёдра.

— Да за што ж ты меня, Господь, наказал? Люська разводиться собралась. Насовсем! Ты хоть понимаешь, али нет? Ох ты, Господи Боже мой, за што ж ты мне такую мученью сготовил? Не сын, а наказание Божье. Зима скоро, а возле избы дрова не пилёные.

Витёля помрачнел. Ему стало жалко мать. Она редко плакала у него на глазах, была сдержанной до суровости, обычно страдала молча, сжигая муки в себе, но тут голос у неё дрогнул, и сын почувствовал близость слёз.

Они рано остались вдвоём. Хотя мать иногда говорила, что “отец ранетый был, за такого причудника воевал”, на самом деле в момент ранения старшина морской пехоты Николай Вдовин ещё ни о жене своей будущей, ни о сыне не подозревал. Когда немецкая автоматная очередь прошла его наискосок — от левого колена до правого низа живота — Вдовину-старшему шёл двадцать второй год. О Победе он узнал в сухумском госпитале, где страдал не только от ран, но и от тоски по северному своему Поморью.

Витёля родился через восемь лет после войны, а когда заканчивал второй класс, умер отец. Достали раны и тяжёлый рыбацкий труд. Во время весенней путины мотобот бросило на песчаную косу — наволók, бригадир Вдовин остыл в ледяной воде, и вскоре его похоронили на каменистом кладбище.

— Ты... эт... не моргай, не моргай, — дотронулся он до материнного плеча. — Мне, наверно, отгулы положены — надо спросить у Гаврилина. А Люська — чего Люська? Она чуть что — подол задерёт — и к матери. Поперечные наши с ней жизни, не продольные. Ты иди домой. Я в инспекцию схожу, поговорю с Гаврилиным.

Он помолчал, насушился.

— Думать надо. Думать... А то лезем, в самом деле, из шкуры... Скоро свою снимем. А кому эт надо?

* * *

На следующий день, с утра, Вдовин взялся споро кроить бензопилой “Дружба” кривые берёзовые стволы на чурки. Потом колол их, складывал дрова в поленницу под навесом. Временами горло начинало саднить и Витёлю — до пота, до хрипоты — охватывал кашель. Он отдыхивался, отывал и снова брался за топор.

Закончив с дровами, поставил на мотоцикл колесо, выкатил машину в сарай.

К пяти часам пришёл в горком. В зале заседаний мест на сто пятьдесят возле первого ряда сгрудилась небольшая кучка людей. Кое-кто стоял, но большинство сидели. Одни — демонстративно по-хозяйски, другие — наоборот, не очень уверенно вжимались в кресла, словно случайно заняли чужие места. Федотов увидел Витёлю, замахал руками:

— Входи, входи! Господа! Это Вдовин Виктор Николаич.

И так легко у него получилось произнести слово “господа”, что Витёля изумился: будто всю жизнь Федотов только и называл людей таким образом.

— Знаем, — сказал черноволосый мужчина с физиономией бульдога, сидящий неподалёку от Федотова. Витёля посмотрел на его приплюснутый нос, на обвислые щёки, пытаясь вспомнить, кто такой. Не припомнил, но на всякий случай кивнул.

Пока шёл к Федотову, оглядел группку. В ней в основном были мужчины. Женщин только две. Одна — с лицом замкнутой богомолки: бледным, не знающим никакой косметики, с сине-фиолетовыми губами и белесыми бровями. Однако взгляд её холодных светлых глаз совершенно не соответствовал смиренному облику: был злым и требовательным. Другая женщина, словно специально была подобрана в качестве антипода первой: смуглое лицо, грубо выкрашенные в чёрно-каштановый цвет прямые волосы, лихорадочно горящие чёрные глаза. Она восторженно глядела на среднего роста, округлого

мужчину, который, стоя перед всеми, раскручивал с древка российский трёхцветный флаг.

— Мы с вами, господа, являемся не просто свидетелями великого события, — говорил он. — Рушится тоталитарная советская система. Мы — участники исторических дел.

— Кто это? — спросил Вдовин Федотова, садясь рядом.

— Наш лидер — Борис Семёнович Самойлов.

— Один из лидеров, — громко заявил услышавший Федотова мужчина, похожий на бульдога. — Демократия и культ личности не совместимы.

— Это он тебе рассказывал про доллары и всё остальное? — тихо спросил Витёля.

— Да. Большой человек.

В этот момент Самойлов выразительно поглядел на “бульдога” и заявил:

— Правильно, Геннадий Петрович! У нас коллективная форма принятия решений. Вот коллектив поручает вам заменить красный советский флаг на российский триколор. Я верно передаю ваше мнение, господа?

“Господа” одобрительно загомонили. Особенно эмоционально выражала свою поддержку темнотица, как мулатка, женщина. Она хлопала в ладошки, привскакивала с места и, казалось, готова броситься к Самойлову, чтобы обнять его. Вдовин понял: коллективом здесь является Борис Семёнович.

— Кто эти люди? — спросил он Федотова.

— Ядро новой власти. Но нам нужны такие, как ты. Иди к нам, Витёля! Начальником милиции.

— А может, уж сразу начальником города? — с насмешкой спросил Вдовин. — Всё равно у меня ни того, ни этого уменя нет.

— Оно и не нужно. Смотри: в Москве и Ленинграде власть берут люди без уменя.

— А если те из прежних, кто пока стоят у власти, начнут сопротивляться?

— Не начнут. Понимают, что к чему. Мы кто? Мы — кипящая уха. А они — пена. Что делают с пеной? Выбрасывают.

— Господа! Идёмте менять символы власти! — громко призвал Самойлов. — Поднимем новый флаг. Берите, Геннадий Петрович! Лестницу уже принесли.

Черноволосый неохотно взял палку с трёхцветным полотнищем: он ещё не привык подчиняться Самойлову. При выходе образовалась толчея: на улице стоял фотограф, который должен был запечатлеть торжественный момент смены власти, и каждому захотелось оказаться первым среди участников великих дел.

— Они все, как мы с тобой, беспартийные? — спросил Вдовин.

— Большинство были в партии. Но отреклись от неё.

— А-а-а! Тогда понятно... Так же продадут и вас.

К вечеру мать испекла пироги. Сын стал редким гостем — хотелось придержать его. Сухое материнское лицо трогала едва заметная улыбка — после разговора у суда затеплилась надежда: может, Витька бросит дурную работу и вернётся домой?

Отмяк и Витёля. С усердием налегал на пироги. “Права Анюта, права. Отвык я от домашнего”, — подумал он, по давней привычке выедая сначала начинку: тёмную чернику, оранжевую морозку и алую бруснику.

Вспомнив Анну, заколебался: сказать — не сказать? Решил сказать. Но начал с вывертом.

— Значит, Люська надумала совсем разводиться?

— Совсем, совсем. Да и какá жена вытерпит такую жизнь? Эту твою работу, — она хотела сказать: “поганую”, но побоялась обозлить сына, — не людскую?

— Есть женщины, есть, — раздумчиво проговорил Витёля. — Любую трудность вынесут... если душевно привязаны.

Он помолчал и, как в холодную воду прыгая, объявил:

— А если я новую жену привезу — примешь?

От изумления мать остановилась посреди кухни и онемела. Потом её прорвало:

— Иль очумел там совсем? При законной-та жене новую брать! Да ты тёрка што ль многоженец?

— Ладно, ладно! — остановил мать Витёля. — Там ещё ничего не известно, а ты уже... причитать.

Подошёл к матери, погладил плечо.

— Она — хороший человек, мам. Если согласится, тебе понравится. Сразу привезу.

Хотел сказать: на руках принесу — несмотря на невеликий рост, Витёля был силён, как штангист-тяжеловес, однако говорить раньше времени поостерегся. Всего лишь добавил:

— Главное, чтобы решилась.

* * *

Пока пассажирский катер выходил из узкой горловины залива, на верхней палубе толкся кое-какой народ. Витёля сидел на скамейке, вжав голову в плечи и обхватив себя руками, чтобы согреться. Кашлять он стал надрывней, к тому же появилась ломота, которая исходила как будто из костей и с ноющим теплом растягивала мышцы.

Мимо Вдовина процокали каблучками несколько хорошо одетых девушек. Подошли к стоящему на носу бородатому мужчине в кожаном коричневом пальто. Он что-то стал говорить им. Девчата весело, но внимательно слушали. “Студентки с преподавателем. Едут записывать поморскую речь”. — решил Витёля, которому не раз рассказывали в разных селеньях о таких экспедициях.

Гладкая поверхность залива незаметно осталась позади. Море стало взерошиваться. Залив, по-поморски “губа”, расширился, правый берег круто пошёл в сторону, а ближний левый, вдоль которого с волны на волну ныряло судёнышко, затанула сизая пелена. Тихая, защищённая сопками, часть залива кончилась, и холодный ветер порывами налетал из “губы”.

На скамейку, рядом с Витёлей, осторожно присел Стрельников. Поздоровался. Витёля ответил и тут же начал кашлять.

— Спустился ба вниз, — сказал председатель. — Там теплей.

— Штой-то ты об моём здоровье озаботился, Валерий Иванович?

— Дак ведь человек ты. Работаем вместе, как сказал адвокат. И на одной земле живём.

Председатель поглядел на море, с тревогой покачал головой:

— Ветёр губной, дак не рыбной. Гляди, какой взводень* поднял.

Волны, сначала тугие и округлые, как желваки на скулах просыпающегося великана, быстро росли. Вершины их острели, и ветер, срывая белую водяную кипень с вершин, вдобавок к холоду, обдавал ещё и влагой.

— Успеешь взять своё. Та сёмга, котору ветер в море отгонит, хоть поживёт ещё.

Стрельников помрачнел, сдвинул светлые брови.

— Ты думаешь, лично мне она нужна — эта сёмга? Да я её на столе видеть не могу! Как тот мужик... таможенник, кажись... помнишь кино “Белое солнце пустыни”? Видеть не мог чёрную икру — так и я сёмгу.

Катер причаливал к прибрежным деревням, быстро высаживал людей и немедленно трогался дальше. После остановки в селенье, которое стояло на берегу моря и одновременно в устье большой реки, сошли Стрельников с Вдовиным. Им от моря до своего села надо было добираться рекою. Поэтому Валерия Ивановича ждал катер, на котором председатель колхоза и рыбинспектор помчали вверх по реке.

Когда прибыли на место, уже стемнело. Витёля плохо держался на ногах. Тем не менее, отказался от предложения председателя сначала зайти в медпункт, а потом — к хозяйке.

* Взводень — высокие волны.

— У меня есть аптечка. Там всё, что надо.

Увидав Витёлю, старуха хозяйка обрадовалась.

— С приездом, паря. А то у меня рот завонял. Не проветриватца. Сижу одна. Слова сказать некому.

Однако увидев состояние квартиранта, встревожилась.

— Ой, да тебе неможетца.

— Простыл я, Мефодьевна. Но у меня есть таблетки. Выпью — пройдёт.

— Каки таблетки! Ложись, ложись на свою постелю.

— В баню бы мне.

— В баню не можно. У нас свои лекарства.

Витёля лёг и как поплыл куда-то. Мефодьевна для начала дала чай с малиной. Потом нарезала чёрную редьку тонкими пластинами, положила в банку, засыпала сахаром. Не сильно помяла. Образовался сок. Его стала давать Витёле каждый час по столовой ложке.

— Это от кашля тебе.

При этом не переставала поить чаем с малиной.

— Потеть, батюшко, надо, потеть. Дай-ко ноги-ти подтыкну, — сказала хозяйка, подворачивая одеяло под ноги Вители. — Бог дал болезнь, даст и подмогу.

Она хлопотала: сухая, высокая, казалось, заденет за что-то рукой и раздастся звук, как от лёгкого удара по высохшему дереву. Но лицом была уже не такая суровая, какой была, когда Вдовин провожал Федотова. Теперь цветущие голубые глазки смотрели заботливо, с переживанием за Витёлю.

А он то проваливался в какую-то жаркость, то выплывал из забвения, улавливая не всё, происходящее вокруг, а отдельные детали. Однажды, лёжа с закрытыми глазами, услышал негромкий бабкин голос:

— Царь лесной, царь земной, царь огненной, заговори у раба Божья Вихтора все шшипóты*, все ломоты, все досады, все болезни.

Витёля мысленно улыбнулся, шевельнул рукой под мокрым от пота одеялом. Мефодьевна увидела, погладила одеяло.

— Сейчас ишшо одно хорошее лекарство дам. Мы им завсегда хворобых пользуем.

Подала стакан с какой-то мутноватой жидкостью

— Это что такое? — слабо спросил Вдовин.

— Пей, пей. Сосновые почки.

Витёля выпил горький отвар. Откинулся, закрыл глаза.

— Поспи, паря. А я ишшо поколдую.

Выздоровление пошло быстрее, но всё равно слабость держалась. В уборную еле доходил, а вернувшись, падал на кровать и забывался. Как-то днём услышал, как Мефодьевна кому-то говорит:

— Два дни лёжкой лежал. Не мог подняцца. Кóлотье** сильно было. На ум пало: не дай Бог стрельё*** пошло. А ты ему кто будешь?

— Вроде как жонка.

— Мушшина без жонки, как голова без шапки. Он можа и безмилостивый потому, как жонки рядом нету.

Витёля открыл глаза и сердце заколотилось. В избе стояла Анна.

— Анюта...

— Лежи, лежи, Витя! Бабушка говорит: тебе легче стало.

Она придвинула табуретку к кровати, положила руку на обросшее светлой щетиной лицо Витёли. Мефодьевна вежливо вышла из избы.

— Как ты попала сюда?

— Это не трудно, когда хочешь человека найти.

Ни Анна, ни Витёля даже в мыслях не произносили слово “любовь”. Они, как миллионы других людей, и объяснить бы не смогли, что такое ЛЮБОВЬ. Желание видеть всё время рядом дорогого человека? А почему он дороже, чем другие? Вроде такой же, как все. Но это всего лишь вроде.

* Шипоты — сильные пощипывания, вызывающие боль.

** Колотье — ломота в теле.

*** Стрельё — воспаление лёгких с мучительным, болезненным кашлем.

Другие глаза, другие губы, другой нос... И почему от его голоса, от прикосновения руки начинает сильнее биться сердце, а потом оно же замирает чуть ли не до остановки, когда этот человек обнимает?

Анна знала, чем закончился суд. Витёля позвонил ей из инспекции. Сказал: приедет на свою “базу” в стрельниковском селе и сразу проскочит к ней. Но день проходил за днём, а дорогого человека не было. Может, его задержали в инспекции? Она позвонила Гаврилину. Тот сказал: уехал Виктор Николаевич к себе на участок. Подождав ещё, позвонила председателю колхоза. Стрельников объяснил, что Вдовин сильно заболел. Анна на моторке понеслась вниз по реке.

Когда Мефодьевна закрыла дверь, Витёля приподнялся на локте, а другой рукой попробовал обнять Анну. Но она почувствовала: ему трудно.

— Ложись, Витя.

Сама приблизила своё лицо к его лицу, губами коснулась небритой щеки. Витёля притянул женщину, поцеловал. Ему никогда и никого не было так приятно целовать: ни Люську, ни проходящих подружек.

— Анюта! Ты мне тогда не ответила: пойдёшь за меня замуж? Я этого хочу. Очень...

— И я хочу. Но надо как-то решать с Егором. Он скоро приедет.

— Вот и хорошо. Разберёмся.

Анна посмотрела ему в глаза. На исхудавшем лице они светились радостью.

— Глаза у тебя, Витя, как два синих кусочка неба. В конце апреля такое бывает.

— Вот и дети будут — один с твоими, тёплыми, вторая — с моими, прохладными.

— Ты уже на двоих нацелился?

— Это — минимум. А надо — три-четыре...

* * *

Егор позвонил из Мурманска. Сказал: жди, вылетаю. Когда звонил, хотел со смешком повторить слова некоторых товарищей, которые ещё из моря дают домой такую радиogramму: “Скоро буду. Выбрось из пепельницы окурки”. Дескать, чтоб следов любовника не осталось. Но то радиogramма, а тут живой разговор. Егор соскучился по Анне. Однако только как по женщине: столько месяцев жонки не видал. Другие, кому повезло, разговлялись с буфетчицей, с обработчицами рыбы на рыбоприёмном судне. “Кому моя пустоцветка нужна?” — думал он, то желая быстрее её увидеть, то закипая от раздражения.

Приехав, первым делом стал обнимать. Но Анна сторонилась, сжималась, наконец, выговорила: “Нельзя мне, Егор. Низ живота болит”.

Егор разозлился, снова обозвал пустоцветкой, да ещё гнилой.

— Зачем я тебя только взял? Брошу.

Анна побледнела:

— Это я тебя брошу! Прямо сей день!

— Ах так? Давай отчаливай.

Анна собрала вещи. Когда Егор пошёл по соседям, позвонила в стрельниковскую контору. Председатель оказался на месте.

— Валерий Иваныч! Скажите Виктор Николаичу: звонила Анна. Передайте: она готова.

— К чему готова? — с любопытством спросил Стрельников.

— Он знает.

После приезда Анны к больному Витёле он стал здороветь не по дням, а по часам. Пришедший к Мефодьевне председатель удивился: в избе сидел прежний здоровяк, только похудевший и с каким-то необычно добрым взглядом.

— Тебе звонила Анна. Говорит: она готова.

Собравшись на реку, чтобы отправиться в Аннину деревню, Вдовин усадил хозяйку за столом для разговора.

— Спасибо тебе, Прасковья Мефодевна, за лечение. И вообще: за всё тебе большое спасибо. Я вот тут деньги тебе оставляю: за три месяца вперёд.

— Зачем так далеко? Али собрался уходить?

— Собрался, Мефодевна. Не нужен новой России закон. А значит, и я ей не нужен.

Витёля вошёл в избу Анны, когда пьяный Егор пытался повалить её на кровать. Она отталкивала его, изворачивалась, выкрикивала: “Уйди!”.

— Что тут происходит? — строго гаркнул Вдовин. Он был полностью готов к дальней дороге: одет по форме, с пистолетом на боку — фуражку с “крабом” снял, когда входил в избу.

— Это ишшо кто такой? — отпустив Анну, уставился Егор на Вдовина.

— Давай по-хорошему, Егор, — сказал Витёля. — Тебе Анюта не нужна, а мне — так очень.

— Анюта? — пьяно пробормотал Егор. — Эта корова — Анюта?

Он снова направился к Анне, толкнул её и размахнулся, чтобы ударить в живот. У Витёли на миг остановилось дыхание. Среди его различных увлечений был период бешеной влюблённости в борьбу самбо. Не одного товарища потерял он тогда из-за желания показать приёмы, а машинисты, как только Вдовин заговаривал про самбо, сразу заявляли: только без показа, нам руки для работы нужны.

Витёля подскочил к рослому Егору, перехватил его руку и так выкрутил её, что мужик взревнул от боли.

— Ты куда, стервец, наметился бить? — в ярости крикнул Витёля. — В человеческую жизнь!

Уже одного приёма было достаточно, чтобы Егор отвалился от Анны. Но озверевший Витёля отпрыгнул на шаг и с разбега ударил головой в солёное сплетение Егора. Тот сразу рухнул и затих.

— Витя, Витя! Ты его убил!

— Нет, Анютик. Очухается скоро. Хотел по ребёнку нашему... Ты всё собрала? Только одежду свою возьми. Остальное брось.

Анна показала на небольшую сумку.

— У меня тут, Витя, чайная кружка и ложка чайная. Любимые. Ишшо из мамино дома привезла.

— Их возьми. Всё другое оставь в прошлой жизни.

Мать встретила сына и женщину с ним без скандала. Поняла: если начнёт ругать обоих, сын уйдёт к кому-нибудь на квартиру. Да и понравилась ей Анна. Душевная, мягкая в обращении. Сразу назвала мамой. Только спросила перед этим: не будет ли возражать? А главное, сын заявил, что уходит со своей работы. Эта радость приглушила беспокойство о Люське с внучкой. Разберутся. Разводы стали обычным делом, не то, что раньше. Да и Люська тоже хороша, чуть что — бежит к матери, несколько раз собиралась разводиться. Не дорожит мужем, а Витька — не такой уж плохой: не курит, не пьёт, как другие, руки золотые; когда захочет — любую вещь починит.

Анне Витёлина мать тоже понравилась. Сдержанная, немногословная, видно, что переживает за сына. А как может быть по-другому? Тот, кого я ношу, думала Анна, когда вырастет, разве будет мне безразличен?

Витёля, когда вёз Анну к себе домой так же, как она, был “на нервах”. Надеялся, что мать поймёт его и примет молодую женщину по-доброму. Но если уж встанет на дыбы, они уйдут на квартиру. Знакомых много, особенно среди деповских.

Вспомнив про депо, про свой механический цех, Вдовин аж вспотел от горячего волнения. Вот где настоящая жизнь, вскипел мыслью он, вот где настоящие люди. И не откладывая на какие-то дальние дни, вскоре после приезда пошёл в депо.

Мастер Антипов, увидев Вдовина, добродушно прищурился.

— Ты как к нам: в гости иль насовсем?

— Насовсем, Сергей Иванович. Хватит, послужил закону, пока он нужен был. Теперь, извиняюсь за выраженье, обручи сбросили и всё развалилось.

Про какие обручи сказал Витёля, мастер не понял. Зато слова о возвращении обрадовали его. Антипов расплылся в широкой улыбке.

— Вот это правильно! Бардак, конечно, везде полный — демократия, эти её... И нашу “железку” стал доставать. Но без железной дороги никакая власть не протянет. Вернее, как это говорят, протянет... Только ноги.

Из депо Вдовин пошёл в рыбинспекцию. Автобусы ходить почти перестали, через полгорода пришлось идти пешком. Проходя мимо бывшего горкома партии, увидел трёхцветный российский флаг, который на его глазах вешал, вместо красного, мужик, похожий на бульдога. Витёля так и не вспомнил его. Из дверей горкома вышли несколько человек. “Где-то здесь болтаются и Самойлов с Федотовым”, — подумал он равнодушно, и сам удивился тому безразличию, с каким отнёсся к новой власти.

В рыбинспекции был один Гаврилин.

— А где же все? — спросил удивлённый Вдовин. Не было гаврилинско-го заместителя, даже секретарши Веры не было.

— Перестали деньги давать. Люди уходят, — невесело сказал Гаврилин. Помолчал. Внимательно посмотрел на Витёлю.

— А ты как, Виктор Николаич? Уходишь или остаёшься?

— Ухожу, Альберт Петрович. Старая власть померла, а новой служить не хочу. Слыхали, что прокурор говорил? Демократия! Никаких законов не надо насчёт природных ресурсов. Бери, кто что хочет и сколько может.

— Ну, я думаю, прежняя власть кое-где ещё может посопротивиться.

— Нет, Альберт Петрович. Власть с дрожащими руками — это не власть. Это, извиняюсь за выражение, половая тряпка, об которую будут вытирать ноги. И не только большие, но и маленькие.

— Уходишь-то куда?

— В депо. К своему слесарному делу.

— А страна, значит, пусть к гибели идёт?

— Страны уже нет, Альберт Петрович. Разбегаются.

— Россия осталась. Хотя бы её надо спасать.

— Россия пошла за федотовыми и самойловыми. Сейчас их праздник, а я не хочу с ними выпивать. Есть дом, жена, хорошее дело... Сын будет. Меня не тронут, и мне они до лампочки.

— Вот так вы все и рассуждаете. Забились каждый в свою нору, и даже нос не высовываете. Бойтесь: отдавят... Меня не трогают... Тронут, да ещё как! Взвоете, да будет поздно.

— Посмотрим, как поведёт себя новая власть. А то ведь и поднимемся.

— Нет, Виктор Николаич, подняться вам не дадут. Учтут опыт... — Гаврилин округлил глаза, зло сплюнул в сторону, — паскудный опыт горбачёвской власти... Вот кого надо первого повесить! Отрубят не только трясущиеся руки, но и головы.

— Народ долго не будет молчать.

— Ты про какой народ? — насмешливо спросил Гаврилин. — Если про русский, то это весьма молчаливый народ. Оглянись назад! Что только с ним ни вытворяли, а он столетиями молчал. Ему нужен вождь, палка и какая-нибудь идея впереди. Тогда он поднимается... Себя не жалеет... Вот сейчас ему подсунули идею: демократия, как на Западе. Она сделает жизнь счастливой, как на Западе. На самом деле эта идея — настоящая “фомка”, воры-медвежатники ею сейфы вскрывают. А те, кто всучают — их цель: развалить Россию. Или обокрасть её. Вспомни слова адвоката. Сговорятся, разграбят все наши богатства, и останемся мы с голой задницей. Зато демократической.

— Как же вы хотите бороться против этого?

— Вот видишь, ты уже отделяешь себя от меня и других, которые не согласны. Не знаю пока... Но что-то делать надо.

— Нет, Альберт Петрович, я выбываю.

Витёля душевно улыбнулся:

— У меня жена, — он хотел сказать: хорошая, дорогая, но постеснялся. — Скоро ребёнок будет. Вот его я научу, как и с кем бороться. Когда вырастет, люди уже поймут, что за власть нас сейчас захватила. Поэтому не обижайтесь... На меня... На народ русский... хотя он, действительно, без начальника и палки неподъёмный. Так что, извиняюсь за выражение, поживём — увидим.